

СВОИМИ СЛОВАМИ

выпуск №1 Периодика

Своими Словами

Студенческий научный журнал

выпуск №1 Периодика

Школа гуманитарных наук и искусств
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

svoimi.slovami.journal@gmail.com
<https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/>

Редакторы

Александра Денисова

aadenisova_1@edu.hse.ru

студентка магистерской программы
Русская литература в кросс-культурной и интермедиаальной
перспективе НИУ ВШЭ СПб
интересы: русская литература, нарратология

Ирина Капитонова

iakapitonova@edu.hse.ru

студентка магистерской программы
Русская литература в кросс-культурной и интермедиаальной
перспективе НИУ ВШЭ СПб
интересы: современная русская литература, memory studies

Дарья Москвина

damoskvina@edu.hse.ru

студентка магистерской программы
Глобальная и региональная история НИУ ВШЭ СПб
интересы: история советской этнографии,
антропология антропологии

Анна Смирнова

aosmirnova_1@edu.hse.ru

студентка магистерской программы
Глобальная и региональная история НИУ ВШЭ СПб
интересы: история науки, межвидовая этнография, death studies

Редактор англоязычных текстов

Юлия Чернышёва

yuliya.charnyshova@gmail.com

студентка магистерской программы
Русская литература в кросс-культурной и интермедиаальной
перспективе НИУ ВШЭ СПб
интересы: англоязычная, русская
и беларусская литература XX–XXI веков, философия XX века

Дизайнеры

Алёна Бородавкина

anborodavkina@edu.hse.ru

студентка бакалаврской программы
Коммуникационный дизайн НИУ ВШЭ СПб
интересы: дизайн для образовательных проектов
и институций, теория и история шрифта

Александра Клевачкина

aaklevachkina@edu.hse.ru

студентка бакалаврской программы
Коммуникационный дизайн НИУ ВШЭ СПб
интересы: книжная и журнальная верстка,
керамика, татуировка

Екатерина Коновалова

eakonovalova_4@edu.hse.ru

студентка бакалаврской программы
Коммуникационный дизайн НИУ ВШЭ СПб
интересы: книжная и журнальная верстка

Софья Сыровацкая

sosyrovatsskaya@edu.hse.ru

студентка бакалаврской программы
Коммуникационный дизайн НИУ ВШЭ СПб
интересы: веб-дизайн, брендинг, генеративная графика

In your own **Words**

A student-run academic journal

issue №1 *Periodicals*

The School of Arts and Humanities
of the HSE University – St. Petersburg

svoimi.slovami.journal@gmail.com
<https://spb.hse.ru/humart/svoimislovami/>

Editors

Alexandra Denisova

aadenisova_1@edu.hse.ru

Student of Master's programme
Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial
Perspective at HSE University – St. Petersburg
Research interests: russian literature, narratology

Irina Kapitonova

iakapitonova@edu.hse.ru

Student of Master's programme
Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial
Perspective at HSE University – St. Petersburg
Research interests: modern Russian literature, memory studies

Daria Moskvina

damoskvina@edu.hse.ru

Student of Master's programme
Global and Regional history at HSE University – St. Petersburg
Research interests: history of Soviet ethnography,
anthropology of anthropology

Anna Smirnova

aosmirnova_1@edu.hse.ru

Student of Master's programme
Global and Regional history at HSE University – St. Petersburg
Research interests: history of science,
multispecies ethnography, death studies

English editor

Yuliya Charnyshova

yuliya.charnyshova@gmail.com

Student of Master's programme
Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial
Perspective at HSE University – St. Petersburg
Research interests: Anglophone and Slavic literatures
of the XXth-XXIst centuries, 20th-century philosophy

Designers

Alyona Borodavkina

anborodavkina@edu.hse.ru

Student of Bachelor's programme
Communication Design at HSE University – St. Petersburg
Research interests: design for educational projects,
theory and history of type

Alexandra Klyvachkina

aaklevachkina@edu.hse.ru

Student of Bachelor's programme
Communication Design at HSE University – St. Petersburg
Research interests: book and magazine layout, ceramics, tattoo

Ekaterina Konovalova

eakonovalova_4@edu.hse.ru

Student of Bachelor's programme
Communication Design at HSE University – St. Petersburg
Research interests: book and magazine layout

Sofya Syrovatskaya

sosyrovatsskaya@edu.hse.ru

Student of Bachelor's programme
Communication Design at HSE University – St. Petersburg
Research interests: web-design, branding, generative graphics

1	<u>От редакции</u>	12
2	<u>15-вопросов шеф-редактору. Интервью с Ильей Калининым</u>	14–21
3	<u>Анастасия Новикова. Образ Московии во французских периодических изданиях 1680–1698 годов</u>	23–40
4	<u>Татьяна Кочнева. Образ крестьянина в Трудах Императорского Вольного экономического общества XVIII века</u>	42–57
5	<u>Александра Кокиева. Печать о V Всероссий- ском археологическом съезде 1881 г. в Тифлисе: власть и наука</u>	59–69
6	<u>Малгожата Краковяк. Вопрос об образова- нии девушек в варшавских идеологических журналах для женщин в 1907–1918 годах. Перевод с англ. Ильи Малафея</u>	71–91
7	<u>Лев Брагин. «Благородное звание». Молодой советский учитель как «продукт» системы образования периода ранней десталинизации</u>	93–105
8	<u>От «Вопросов истории» до «Cosmopolitan»: научные подходы к изучению периодики. Интервью с Борисом Степановым, культурологом, преподавателем НИУ ВШЭ</u>	107–121
9	Авторам	123–128

TABLE OF CONTENTS

In your own **Words**

issue №1 *Periodicals*

1	<u>From the Editorial Board</u>	12
2	<u>Q&A with Editor-in-Chief: Ilya Kalinin about his work for the journal <i>Emergency Ration</i> (“Neprikosnovennyj zapas”)</u>	14–21
3	<u>Anastasiia Novikova. The Image of Muscovy in the French Periodical Press (1680–1698)</u>	23–40
4	<u>Tatiana Kochneva. Image of the Peasant in the Russian Free Economic Society in the Eighteenth Century</u>	42–57
5	<u>Alexandra Kokieva. The 5 th Russian Archaeological Congress of 1881 in Tiflis in the Press: Power and Science</u>	59–69
6	<u>Małgorzata Krakowiak. The Issue of Girls’ Education in Warsaw Ideological Magazines for Women (1907–1918). Trans. from English by Ilya Malafei</u>	71–91
7	<u>Lev Bragin. “Title of Nobility”. Young Soviet teacher as a product of the education system of the period of early destalinization</u>	93–105
8	<u>From “Issues of History” to “Cosmopolitan”: Scientific approaches to the study of periodicals. Interview with Boris Stepanov, cultural scientist, professor at HSE</u>	107–121
9	<u>For Authors</u>	123–128

ОТ РЕДАКЦИИ

ПЕРВОГО ВЫПУСКА

Александра
Денисова

Ирина
Капитонова

Дарья
Москвина

Анна
Смирнова

С ноябрьской зум-встречи, на которой команды историков и филологов Питерской Вышки впервые увидели друг друга, и до выхода первого выпуска «Своими словами» как будто прошла пара секунд, а на самом деле — полгода. За это время к нам присоединились дизайнеры, и теперь мы вместе работаем над проектом, объединяющим силы студентов всех направлений Школы гуманитарных наук и искусств Питерской Вышки.

Нашей целью было создать площадку для молодых исследователей, в пределах которой они могли бы использовать свои навыки и реализовывать исследовательские проекты в различных форматах — писать статьи, делать переводы, брать интервью...

Темой первого выпуска стали исследования периодики, и мы рады, что можем предложить читателям рассмотреть эту тему с различных ракурсов: вас ждут интервью с теоретиками и практиками журнального дела, а также научные статьи, в том числе от зарубежных коллег.

На страницах первого выпуска вы сможете познакомиться с периодикой прошлых лет: узнаете, как писали о крестьянах в Трудах Императорского Вольного экономического общества; выясните, как представляли себе Московию французские журналисты в XVII веке; проследите, как отразились взаимоотношения власти и науки в печати о V Всероссийском археологическом съезде в Тифлисе, а также увидите, из каких компонентов складывался образ молодого учителя в советском педагогическом дискурсе.

В заключение мы хотели бы поблагодарить Маргариту Михайловну Дадыкину и Илью Александровича Калинина за безусловную поддержку, а главное — за доверие и свободу действий. Также мы хотим выразить благодарность всем, кто помог случиться этому выпуску, особенно нашим рецензентам.

15 ВОПРОСОВ

ШЕФ-РЕДАКТОРУ

Илья Калинин

о работе в журнале

«Неприкосновенный Запас»

Материал
подготовили:

Александра
Денисова

Ирина
Капитонова

Дарья
Москвина

Анна
Смирнова

Нам, студентам, часто кажется, что мы можем сделать все сами: и написать диплом, и создать журнал. Отчасти это так, но правдой будет и то, что без поддержки и советов более опытных коллег нам было бы в разы сложнее. На самых первых страницах нашего первого выпуска мы решили поговорить с Ильей Александровичем Калининым — нашим наставником и одним из инициаторов создания журнала «Своими словами» — о том, как начинаются большие и успешные проекты, и о том, как нам стать одним из них.

Илья Александрович Калинин — академический руководитель магистерской программы «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах», профессор Школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ СПб, кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: русский формализм, культурная политика и политика идентичности в современной России, советская интеллектуальная культурная история.

Прежде всего, должен сказать, что с января 2021 года я уже не являюсь шеф-редактором журнала «НЗ», хотя и продолжаю сотрудничество с ним в качестве приглашенного редактора, занимающегося составлением тематических номеров или отдельных тематических блоков. В качестве главного редактора в данный момент я вовлечен в совершенно новый журнальный проект, о котором надеюсь рассказать чуть позже. И все же почти двадцатилетний опыт работы в «НЗ» (за эти годы в типографию ушли ровно 111 номеров) позволяет ответить на ваши вопросы, пусть и в уже несколько отстраненной модальности.

1. Как началась Ваша история с «Неприкосновенным Запасом»?

Первые годы существования «НЗ» я был его постоянным читателем, привыкшим следить за всем, что выходит в издательстве «НЛО». Потом уже в аспирантуре началось постепенное сближение с редакцией, правда, не «НЗ», а журнала «НЛО»: первые опубликованные статьи, приглашение в Москву на организуемые «НЛО» круглые столы, в которых принимала участие небольшая группа молодых гуманитариев (историков, социологов, филологов). Потом (весной 2002 года) было участие в Баннных чтениях — организуемой «НЛО» ежегодной конференции, овеянной в те годы легендарной репутацией закрытого клуба избранных (так что приглашение на нее дало серьезный повод для моего неизбалованного аспирантского тщеславия). Через несколько недель после возвращения из Москвы раздался звонок домашнего телефона. Как сказали бы раньше, «на проводе» была Ирина Прохорова, которая предложила мне переехать в Москву и стать редактором «НЗ». Стоит заметить, что это произошло в день моего рождения, о чем Прохорова, естественно, не знала. Еще через полтора месяца я защитил диссертацию, а через неделю после начала банкета — обнаружил себя на перроне Ленинградского вокзала.

2. «Неприкосновенный Запас». Что значит это название? Как можно его интерпретировать?

Журнал возник в 1998 году, за четыре года до моего прихода. Его первоначальное название было следующим: «Неприкосновенный запас. Очерки нравов интеллектуального сообщества». В 90-е годы резкое падение как материального уровня жизни, так и символического статуса людей интеллектуального труда — того сообщества, которое традиционно определяло себя в качестве интеллигенции, — запустило очередной виток дискуссий вокруг ее групповой самоидентификации. Внутреннее ощущение

ние избыточности, возникшее у этой социальной группы по отношению к социокультурному и политэкономическому мейнстриму тех лет, требовало нового самоопределения, утверждающего и подтверждающего собственную значимость. Знаком этого самоопределения и стало обращение к понятию «неприкосновенный запас», означающему то, что подлежит расходованию в самом крайнем случае, — то, что нужно беречь. Прошло несколько лет и стало понятно, что ограничивать тематику журнала проблемами самоописания не стоит. Тогда и возник другой подзаголовок, который не меняется уже 20 лет — «НЗ. Дебаты о политике и культуре». Таким образом, журнал очертил пространство разговора, обозначив не только основные предметные области своих интересов, но и перспективу их взаимного пересечения (политика культуры / культура политики).

3. В разделе «Информация для авторов» на сайте редакция рассказывает, как проходит отбор и проверка материалов в журнал. В первом пункте говорится о материалах, которые редакция заказывает. Не могли бы Вы рассказать подробнее, как это работает?

Действительно, учитывая структуру журнала (регулярные рубрики, колонки постоянных авторов, тематические блоки), большая часть материалов формируется через запрос, идущий от самой редакции. Горизонт планирования — от полугода до года и больше, в зависимости от того, идет ли речь о тематическом блоке или о так называемом «специальном тематическом номере», объединенном сквозной проблемой. На редакционном совещании обсуждаются планы на будущее, определяется круг тем, которые, с точки зрения сотрудников журнала, представляют интерес для его аудитории (как профессионального сообщества, связанного с социогуманитарными науками, так и круга людей, не совпадающего с академическим пространством). «НЗ» всегда позиционировал себя не как академический (хотя большую часть публикуемых текстов составляют именно научные статьи), а как интеллектуальный журнал, непосредственно реагирующий на актуальную политическую и культурную повестку (что совершенно не означает отсутствие интереса к прошлому). После того, как темы определены, мы начинаем связываться с потенциальными авторами, работая по принципу «снежного кома», задействуя сети профессиональных контактов, существующие внутри различных дисциплинарных областей. Этот тип работы предъявляет определенные требования к социальному капиталу самого редак-

тора (объему его «записной книжки») — так что без активной включенности в такого рода сети может возникнуть как ограниченность поднимаемых журналом вопросов, так и дефицит авторов. Конечно, у журнала должно быть узнаваемое лицо, но его выражение должно постоянно меняться, а не застывать, как посмертная маска.

4. Все в том же разделе во втором пункте упоминаются статьи, пришедшие «самотеком». Они проходят рецензирование только после одобрения редакцией. При этом нет никакой информации, каким образом можно подать статью в редакцию. Значит ли это, что большая часть номера сформирована тем материалом, который был заказан непосредственно редакцией?

Часть (меньшая) материалов приходит от самих авторов, а решение об их публикации принимается редакцией на основании внутренних рецензий. Основная сложность — вписать такой текст в структуру ближайших номеров, которая заранее выстраивается на основании редакционных планов. Случается и такое, что пришедший «самотеком» текст заставляет пересмотреть уже существующие планы и выстроить вокруг него отдельную рамку, заказав дополнительные тексты или инициировав дискуссию. На сайте журнала есть адрес редакционной почты, зачастую новые тексты приходят и на личные адреса редакторов или через мессенджеры соцсетей. Чем дольше работаешь в качестве редактора, тем теснее твое имя начинает ассоциироваться с местом работы, — так что потенциальные авторы знают, к кому обращаться.

5. В описании журнала можно найти следующие слова: «На страницах “НЗ” ученые, эксперты и публицисты всех поколений без оглядки на возраст и ученую степень обсуждают темы, актуальные для России, Европы и всего мира». Почему редакции важно подчеркнуть это разнообразие?

Это разнообразие — часть нашей идентичности. Как я уже говорил, мы не хотели замыкаться рамками академического мира с его сложившимися иерархиями, статусами и чинами. Отсюда и призыв к молодым авторам, к которым «НЗ» всегда был неравнодушен. Вспоминается одна история. Лет десять назад меня пригласили в редакцию журнала «Отечественные записки», который несколько раз открывался и закрывался, пока не закрылся совсем по причине отсутствия финансирования. Тот вечер был посвящен очередному открытию журнала после нескольких лет перерыва. Присутствовала редакция и небольшой круг людей, ре-

гулярно писавших для журнала. В какой-то момент зашел разговор о нехватке новых и молодых авторов, на которую стал сетовать главный редактор «ОЗ». И вот, когда я уже хотел возразить, что мы, в «НЗ», такой нехватки не испытываем, слово взял Борис Дубин (замечательный социолог культуры, блестящий переводчик и, наверное, самый обаятельный человек российской интеллектуальной сцены). Он оглядел несколько десятков человек, собравшихся в тот вечер в офисе общества «Мемориал», и сказал: «Если бы не присутствие Ильи, то самым молодым среди нас был бы я». Дубин был 1946 года рождения. Именно в тот момент я отчетливо понял, что «НЗ» — проект поколенческий и по академическим меркам — молодежный. Правда, с тех пор прошло 10 лет, и за это время редакция моложе не стала. Надеюсь, естественный ход событий не приведет к тому, что «НЗ» повторит судьбу «Отечественных записок».

6. Итак, мы обозначили авторов, которые публикуются в «НЗ». А как бы Вы могли описать аудиторию, которая читает журнал? Изменилась ли она за время существования журнала?

Вероятно, она становится старше, поскольку ее ядро — как мне кажется — составляет поколение гуманитариев, входивших в науку во второй половине 1990-х — начале 2000-х на волне подъема интереса к западной социальной теории, открытости к международному интеллектуальному контексту, ориентации на эмансипаторные политические ценности и демократическое участие в происходящем.

7. Отчасти мы уже затронули этот вопрос, но всё же хотелось бы уточнить, как выбираются темы номеров?

Темы номеров, как я уже сказал, определяют на редакционных встречах, но могут и предлагаться близкими к журналу авторами. Естественно, их выбор опосредован тем, что происходит с современным социогуманитарным знанием и социокультурным контекстом, в которое оно погружено. Удачи или промахи в этом выборе отражают степень чувствительности членов редакции к этим процессам и контекстам.

8. Вы рассказали об авторах, об аудитории, о процессе отбора материалов редакцией, тем самым обозначив основные принципы «Неприкосновенного Запаса» сегодня. Скажите, были ли они такими с момента возникновения журнала? Или это процесс развития, который, может быть, идет и по сей день?

Не могу сказать, что это развитие носило характер каких-то сознательных революционных смен ориентиров, редакционной политики, жанрового формата. Скорее оно может быть описано в терминах органического роста, отражающего смену самих исторических вех (все же 23 года существования журнала по отношению к горизонту новейшей истории России — вполне солидный срок). Менялось время, менялся состав сотрудников редакции, менялись и они сами.

9. Как поддерживать долгую жизнь журнала?

Чтобы жизнь журнала была долгой, его миссия не должна исчерпываться групповыми интересами и профессиональной идентичностью работающих в нем людей. Этот баланс между наличием ядра и открытой структурой очень непросто соблюсти. Когда-то Паскаль определил природу как «бесконечную сферу, центр которой везде, а окружность нигде». Конечно, эта формула последовательно не приложима к «природе журнала», но все же позволяет схватить тот парадоксальный баланс, о котором я говорю.

10. Илья Александрович, расскажите в чем заключалась Ваша работа как шеф-редактора? Насколько Вам было необходимо вникать в материал каждого номера? Что Вы делегировали, а над чем обязательно работали сами?

Прежде всего, это координация работы коллег и создание атмосферы, способствующей совместной работе над выбором тем, поиском авторов, стратегией развития. Как и остальные редакторы, я был вовлечен в непосредственную работу с той частью тем, авторов и текстов, которые «приходили» в журнал через меня. При этом ни один текст не шел к корректору и на верстку прежде, чем с ним познакомлюсь я. Так что, даже если текст был уже доведен до финальной версии кем-то из коллег, его последним читателем внутри редакции всегда оказывался я. Порой речь шла о каких-то мелких изменениях; иногда, казалось бы, финальная версия вновь оказывалась промежуточной; крайне редко уже готовый текст приходилось отклонять вовсе. Наверное, самым любимым моим занятием была работа над общей архитектурой номера — монтажом из отдельных тематических блоков и рубрик общей композиции (включая последовательность рецензий в завершающей части). Не думаю, что кто-то еще читал журнал от первой до последней страницы, но для меня каждый выпуск представлял собой своеобразный роман, организованный вокруг сквозного концептуального сюжета, пусть и с решительными переменами действия, персонажей, исторической обстановки и т.д.

11. Как много времени, скажем, в неделю занимает работа в журнале?

Точно ответить на этот вопрос практически невозможно. С определенностью могу сказать, что почти за 20 лет не было ни одного дня, когда бы такой работы не было вовсе. Если нет работы с текстами, есть переписка с авторами или коллегами по журналу. Или нужно заниматься организацией каких-то мероприятий, связанных с журналом (семинаров и конференций, презентаций и круглый столов, публичных лекций авторов, промотирующих те или иные номера). Безусловно, есть кривая, фиксирующая пики активности — чем ближе к сдаче номера, тем больше работы.

12. Как нужно относиться к своему делу, чтобы не выгорать, не иссякать?

Конечно, работа редактора отнимает время и силы, и порой кажется, что и то, и другое лучше было бы потратить на свои собственные исследовательские интересы и авторские обязательства (скажу честно, чужих текстов я переписал значительно больше, чем написал своих собственных). Так что, если относиться к работе в журнале исключительно как к чему-то, что заставляет тебя отвлекаться от собственного профессионального развития, долго на ней не продержаться. Однако со временем понимаешь, что опыт переписывания и переработки чужих текстов, опыт вопросов и комментариев, к ним обращенных, многое дает для работы над собственными текстами. А сам журнал (его содержательная повестка) оказывается продленным за пределы университета образованием, где ты одновременно и определяешь учебный план, и учишься согласно его траектории.

13. «Неприкосновенный Запас» возник в то время, когда электронные журналы толком еще не существовали. Сейчас можно прочитать «НЗ» и в печатной версии, и в электронной на сайте НЛО. Как Вы думаете, есть ли смысл молодым академическим изданиям (например, студенческим) печатать свои номера?

Думаю, сейчас в этом нет большого смысла. Это требует и дополнительного финансирования, и создания целой технологической цепочки, отвечающей за печать, распространение, бухгалтерскую отчетность. Это возможно только в том случае, если администрация соответствующего университета решит вложиться в такой журнал как в определенный имиджевый проект. Но это уже другая история, и ее логика не сильно зависит от самой студенческой инициативы — желания самостоятельно делать свой журнал.

14. О каких типичных ошибках молодых изданий Вы могли бы рассказать и, может быть, посоветовать, как их избежать? Это может быть актуально для редакций студенческих изданий в разных университетах, которые так же, как и мы, работают над созданием журнала.

Если честно, я практически не знаю примеров подобных изданий (если говорить именно о студенческих проектах). Думаю, главный вызов, стоящий перед таким изданием — необходимость придать ему инерцию, которая позволила бы журналу существовать после того, как закончит магистратуру первое поколение его создателей. Конечно, тут есть разные варианты продолжения работы: дальнейшая учеба в аспирантуре, участие в жизни журнала в качестве выпускника, пусть институционально уже и не привязанного к университету. В любом случае нужно с самого начала думать о механизмах «передачи наследства», кооптации тех, кто придет в университет вслед за вами. Скорее не ошибка, а беда молодых изданий в том, что энергия, энтузиазм и наличие свободного времени, характерные для молодости, величины не постоянные. В какой-то момент их снижение необходимо компенсировать чем-то другим.

15. Как Вам кажется, важен ли формат журнала/газеты для студенческой академической среды?

Вспоминается знаменитый ленинский тезис из его статьи «С чего начать» (1901): «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Отбросим пропаганду и агитацию, сохраним момент организации. Работа над журналом / газетой носит коллективный характер, предполагает прозрачность границ между писателями и читателями (тем более, в случае студенческого издания), подвижность позиций, позволяющую выступать то как автор, то как редактор, то как составитель, то как переводчик, то как читатель. Все это и создает то силовое поле, которое делает из атомизированного множества — сообщество.

УДК
94(100)

ОБРАЗ МОСКОВИИ

ВО ФРАНЦУЗСКИХ

ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

1680–1698 ГОДОВ

The Image of Muscovy in the French

Periodical Press (1680–1698)

Автор:
Анастасия
Новикова

Author:
Anastasiia
Novikova

Ключевые
слова:
Московия,
Франция,
периодика,
XVII век.

Key words:
Muscovy, France,
Periodicals,
seventeenth
century.

Аннотация

В работе рассматривается формирование образа Московского государства во французской периодике конца XVII века. Для анализа были выбраны статьи из трех разноплановых периодических изданий: «La Gazette», «Journal des Savants» и «Mercure Galant». Особое внимание уделяется источникам поступления сведений, биографиям авторов статей, а также влиянию специфики издания на отбор материала и язык описания. В результате выявляются особенности конструирования образа Московии в каждом из рассмотренных изданиях.

Abstract

The article examines the formation of the image of Muscovy in the French Periodical Press of the late seventeenth century. Articles from three different periodicals were selected for the analysis: *La Gazette*, *Journal des Savants* and *Mercure Galant*. Special attention is paid to the sources of information, the biographies of the authors of the articles, as well as to how the specifics of the periodicals influenced the selection of material and the language of description. As a result, the features of the construction of the image of Muscovy in each of the considered periodicals are revealed.

Ко времени появления первой французской газеты в Европе уже существовали прообразы периодических изданий. Периодические ведомости издавались в Голландии, Германии, Венеции, Англии. Обстоятельства возникновения периодических изданий в Европе имеют общие черты. Во-первых, это жесткое регулирование и цензура всей печатной продукции со стороны государства и церкви, пытавшихся контролировать количество и качество информации, приобретающей характер массовой благодаря изобретению книгопечатания. Во-вторых, появление первых газет объясняется растущей потребностью в информации, прежде всего, военно-политической [Тараканова 2010: 145]. Наконец, прибыльность издательского бизнеса привлекала многих. Первые опыты создания газет, вероятно, относятся к середине XVI века; но ни одна из них не сохранилась до наших дней [Hatin 1866].

Периодические издания Франции выделяются на фоне других европейских изданий тем, что они были первыми, отвечавшими идее газеты. Именно с французской периодики второй половины XVII века началось становление современной прессы [Hatin 1866]. Во французских изданиях впервые появляется особая структура (включение библиографических списков, оглавлений, сводных таблиц, облегчавших использование выпусков) и особый стиль подачи сообщений. Новая манера формирования, компилирования и редактирования информации сыграла важную роль как для обмена сведениями между странами, так и для формирования особо языка описания событий. В конце XVII века статьи — это уже не только сухие факты, но и полноценные тексты, основанные на сравнении и компиляции нескольких источников. Также возрастает степень включения журналиста в его тексты: авторы выходят за рамки простого пересказа изученных книг.

Дипломатические сведения, сводки военных событий и рассказы путешественников были одними из самых востребованных тем в периодических изданиях, поэтому в прессе не могли не появляться сведения о других странах, в том числе и о Московии. В данной статье будет проанализирован образ Московии в трех французских периодических изданиях.

Одно из них — «La Gazette», первая газета Франции, основанная Теофрастом Ренодо в 1631 году. Сведения, представленные в ней, написаны сухим дипломатическим языком, и мало сообщают о характере, менталитете или жизненном укладе Московии. Цель издания состояла в публикации фактов, поступающих в рамках политической коммуникации, и их закреплении за определенным

местом (поэтому статьи распределены по странам, откуда пришла информация). В выбранных для исследования выпусках информация о Московии появляется в новостях из «отдаленных мест» (Польша, Швеция и т.д.), но никогда из самой Московии. Это указывает, во-первых, на то, с какими землями Франция имела более тесную связь, и, во-вторых, какие страны выступали в качестве медиаторов, посредством которых информация о Московии попадала в Европу.

Для исследования были выбраны статьи из выпусков за май 1684 года, июнь 1689 года и декабрь 1695 года. Все три выпуска объединены общей темой — войной Священной Лиги с Османской империей. В статьях присутствуют ссылки только на военно-дипломатическую переписку между странами. Московское царство выступает здесь участником противостояния Востока (Османской империи) и Запада (европейских держав), причем на стороне Европы. В этих статьях Московия уже не варварская страна на Востоке, какой она была представлена еще в источниках начала XVII века, а почти полноценный игрок на европейской политической арене.

Первый рассмотренный выпуск вышел 27 мая 1684 года. В нем содержатся две статьи, затрагивающие Московию. Первая — от 18 марта — содержит новости из Константинополя о попытке переговоров между Турцией и Московией. В статье сообщается, что переговоры с Московией не продвинулись, поскольку «турки отказываются вернуть царям [1] места, которые они просят, и что их [царей — прим. А.Н.] посланники не хотят без этого предварительного условия выслушивать никаких предложений о согласии» [Gazette. 1684. № 23: 254]. Вероятно, речь идет о споре за Запорожье, присоединения которого к Москве так и не удалось добиться в результате Бахчисарайского мира.

Интересен язык описания переговоров между сторонами. За внешней «сухостью» описания фактов мы видим и Московию, и Османскую империю не в лучшем свете. Царские посланники упираются и в то же время ведут переговоры с другим контрагентом, что не позволяет продвинуться переговорам с Османской империей. Это видно из текста:

«Служители Порты упрекали их в том, что во время переговоров с Великим Господином они имели дело с поляками и просили у них разъяснений по этому поводу, о чем им особенно со-

[1] — В оригинале слово «царям» стоит во множественном числе. Можно предположить, что речь идет о царях Иване и Петре.

общали письма графа Тёкёли. Посланники отвечали, что Цари намерены заключить перемирие, а не союз с Польшей, а также с Портой, при условии, что они найдут в этом свое преимущество: и что они даже заключат союз с теми, кто предложит им условия лучше» [Gazette. 1684. № 23: 254].

Переговоры в Польше и Константинополе, таким образом, могли завершиться только тогда, когда Московия сочла бы предложение одной из сторон более приемлемым. В свою очередь, и посланники Османской империи, не имея возможности договориться, посылают в Москву дары: «Посланник Порты в Московию принес туда немалую сумму. Часть из них он должен раздать при царском дворе: а остальная часть предназначена для помощи татарам» [Gazette. 1684. № 23: 254]. Вероятно, этот жест должен был склонить Московию на османскую сторону.

Поскольку каждое сообщение датировано, то удобно проследить развитие событий. Исход переговоров был показан уже спустя несколько страниц в статье по известиям из Линца. Сообщение датировано 9 мая и основано на сообщениях от имперских послов, отправленных в Московию. Небольшой абзац посвящен заключению продления перемирия между Польшей и Русским царством:

«Мы получили письма от двух послов императора, отправлявшихся в Московию. Они сообщили, что узнали по пути о заключении договора между Польшей и Московией, только о продолжении перемирия на девять лет. Они прибавляют, что дадут настоящую просьбу Царям, стараясь добиться, чтобы они позволили казакам их повиновения прийти на службу Польше против турок. Мы продолжаем здесь работать над подготовкой к походу со всем возможным усердием» [Gazette. 1684. № 23: 255].

Из письма непонятно, когда было подписано продление мира. Вероятно, речь идет о продлении Андрусовского перемирия в 1678 году (срок в 9 лет мог быть указан ошибочно). Продление перемирия с Речью Посполитой, которая выступала в войне против Османов на стороне Европы, может быть рассмотрено как шаг к включению Московии в консолидированный в военном отношении Запад.

Следующий выпуск от июня 1689 года интересен не только освещением военных событий, но и разграничением употребления названий «Московия» и «Россия» во французском дискурсе. Газета

начинается со статьи с новостями из Варшавы. Короткая заметка лишь косвенно упоминает Россию (Русское воеводство), речь идет об атаке крымских татар:

«Тартары, получив печать о том, что польские войска все еще находились в своих кварталах, ворвались в Россию, на земли великого генерала Короны господина Яблоновского. Они разожгли огонь повсюду, похитили множество скота и поработили мужчин, женщин и детей: победив некоторые войска, которые собрались в спешке и без какого-либо приказа, чтобы противостоять их движению» [Gazette. 1689. №25: 281].

В мемуарах, дипломатических записках и других источниках, написанных в Польше французами, существует четкое разделение «России» и «Московии», поскольку они описывают польский взгляд на эти территории: Московия — государство, Россия — Русское воеводство в составе Речи Посполитой.

Новости же о Московии были опубликованы в сообщении из Вены, продолжающем тему войны Священной лиги. В этом тексте формируется далеко не самый положительный образ Московии. Статья начинается с того, что москвиты должны были совершить поход в Крым:

«В последние дни ходили слухи о том, что посланники Московии и Чрезвычайный посол Польши получили письма, которые донесли, что турки очень растеряны лишением значительной помощи, которую они ожидали от тартар, вторжением, которое москвиты должны были совершить в Крыму» [Gazette. 1689. №25: 281].

Дальше эта мысль не раскрывается, однако можно предположить, что идея этого текста заключалась в следующем: сообщение о том, что москвиты собирались помешать альянсу турок и татар, должно было расположить европейского читателя к Московии. Поскольку сообщение из Вены датируется 22 мая, то речь вполне может идти и о втором походе князя В.В. Голицына. Тем не менее, дальше Московия показывается в негативном свете, особенно в той части статьи, где речь идет о переговорах между сторонами Священной лиги. «Посланники Московии хотели провести специальную конференцию» [Gazette. 1689. №25: 283] с другими представителями, но им было в этом отказано, поскольку в письмах,

полученных посланником Валахии, имелись сведения о чем-то, сделанном «в ущерб интересам императора» [Gazette. 1689. №25: 283]. Тем не менее Московия, судя по тексту статей «La Gazette», все теснее вплетается в цепь европейской антиосманской политики.

В выпуске от 24 декабря 1695 года Московии посвящены лишь последние несколько строк в статье из Гааги. Они уже не затрагивают военные события, но коротко сообщают о том, что русские корабли застряли во льдах в Архангельске:

«Было замечено, что флотилия Московии была застигнута в Архангельске льдами в количестве более тридцати пяти кораблей, лишь немногие из которых ранним утром вышли в открытое море, вырвавшись. Эти корабли, остановленные льдами, не могут уйти раньше конца зимы, не придут в эту страну до следующего августа: это не только вызовет большие расходы для заинтересованных, но и нанесет большой ущерб торговле этих провинций, где товары этой страны, в основном сало, очень редки» [Gazette. 1695. № 51: 611].

Интересно, что нет никакой другой информации, в частности, о маршруте упомянутых кораблей. Очевидно, что раз речь идет про нанесение ущерба торговле, то корабли нужны были для транспортировки грузов.

Статья также любопытна тем, что в ней впервые встречается сообщение о Московии в связи с темой мореплавания и морской торговли с другими государствами. Более того, среди рассмотренных газетных выпусков, это всего лишь второй случай упоминания о путешествиях москвитов за пределы своего царства.

Следующее издание — «Journal des savants» — первое издание для литераторов и ученых, объединившее интеллектуалов из Франции, Англии, Соединенных провинций и Тосканы [Vittu 2002: 182]. В нем печатались выдержки (прямые цитаты из текста) из последних опубликованных в указанных странах книг, научных мемуаров и отношений [Vittu 2002: 179]. Этот издательский проект был осуществлен в 1664 году благодаря Дени де Салло. Журнал охватывал многие темы: от изобразительного искусства до наук, от права до церкви (за исключением вопросов веры). Для анализа были выбраны два выпуска за апрель и июнь 1698 года. Оба выпуска содержат статьи-пересказы путешествий, в которых напрямую или косвенно затрагивается Московия.

Первый выпуск посвящен публикации «Мемуаров рыцаря де Божё» [*Mémoires du chevalier...*]. Автор мемуаров — Франсуа Полен Далерак, французский хроникер конца XVII века, который жил при польском дворе [2]. Он также был известен под псевдонимом Поля Антуана де Божё [3]. Статья представляет собой краткий пересказ основного содержания его мемуаров, а именно информации, затрагивающей Польшу: это и описание актуального на тот момент состояния царства, и представление расстояний между городами, и обращение к истории описываемой территории.

Названия «Россия» (Русское воеводство) и «Московия» появляются в тексте снова применительно к разным территориям. Пересказывая мемуары, автор статьи пишет: «От Львова, столицы России, до Данцига...» [*Le journal des savans 1698a: 181*], «Львов — столица России. Он довольно хорошо построен и имеет больше красивых церквей, чем любой другой город в царстве [Польше — прим. А.Н.]» [*Le journal des savans 1698a: 184*]. Действительно, столицей Русского воеводства был Львов.

Московия, а точнее ее жители — москвиты, упоминаются в тексте лишь раз, при обращении к истории Польши:

«Это великое государство когда-то простиралось от Балтийского до Черного моря; от устья Вислы до устья Днестра; от Днепра, ныне Борисфена, до истока Эльбы. Но войны уменьшили его со всех сторон, и затагнули его либо соседними князьями, либо мятежными подданными. Шведы при великом Густаве взяли Ливонию с городом Ригой. Москвиты оккупировали город и княжество Смоленск. Они снова захватили город, и княжества Киовии, Черниковии и Северское подчинились одному закону» [*Le journal des savans 1698a: 182*].

[2] — См. Dalairac F.P. URL: [link](#) (accessed 16.05.2020).

[3] — Реально существовавший человек, рыцарь мальтийского ордена, известен своим заключением в замке Семи Башен (Едикуле) в Константинополе, где он находился в течение 11 лет. Он был доставлен в одну из башен после неравного сражения в январе 1660 года: одна галера под его командованием против тридцати турецких галер. Сражение закончилось только спустя 24 часа, когда боеприпасы де Божё истощились и погибли три четверти экипажа.

См. Peignot G. *Dictionnaire historique et bibliographique. Tome quatrième. Paris : Philippe, 1832.* URL: [link](#) (accessed 28.02.2021).

Lambert C. F. *Histoire Littéraire du Regne de Louis XIV. Dédié au Roy. Tome premier. Paris: Prault, 1751. 588 p.* URL: [link](#) (accessed 28.02.2021).

Второй выпуск «Journal des savants», выбранный для анализа, содержит две статьи, затрагивающие Московию: это пересказы, описывающие полноценные, посвященные Московскому царству, работы. Первая из них — седьмой том «Исторических путешествий по Европе, содержащих наиболее любопытные вещи о Московии». Вторая — известные русскому читателю «Записки о Московии» Фуа де ла Невилля, опубликованные А.С. Лавровым в 1996 году.

Автор первой работы — Клод Жордан, журналист, основатель нескольких газет на французском языке в Амстердаме. Около 12 лет он провел вне Франции, посвятив часть этого времени путешествиям. Спустя несколько лет после возвращения во Францию он записал наблюдения, сделанные им во время путешествий, добавил к ним рукописные мемуары одного из своих друзей, и опубликовал все это под названием «Исторические путешествия по Европе» в двенадцати томах. Издание было очень востребовано, многочисленные копии распространились не только по всей Франции, но и за ее пределами [Hoefler 1858: 933-934].

Седьмой том «Путешествий» посвящен Московии. Рассказ разделен на 17 глав, затрагивающих все стороны жизни: настоящее положение царства; качество жизни и плодородность почв; привычки москвитов; одежда, язык и наука; военная мощь; система правления, совет и администрация (включая историю последних революций, произошедших в Московии); образ жизни; религия, традиции бракосочетания и похорон; некоторые наблюдения за положением иностранцев. Отдельно описываются Москва и княжества, отношения с «Тартарией», привычки и религия «тартар».

Поскольку целью «Journal des Savants» было осведомление читателей о последних изданных произведениях и совершенных научных открытиях, то почти все эти вопросы кратко освещены в статье. Сообщение содержит географическую, политическую и историческую информацию о Московии. Статья начинается с посвящения читателям: «Хотя иностранцы не свободны въезжать в Москву, в этом седьмом томе “Путешествий в Европу” они найдут достаточно особенностей, чтобы удовлетворить свое любопытство» [Le journal des savans 1698b: 221]. Интересно, что автор статьи упоминает ограничения на въезд иностранцев в Московию. Это первое упоминание такого рода, встреченное во французских источниках, которое, однако, отсутствует в самом томе «Путешествий».

Жордан действительно посвящает одну главу особенностям въезда иностранных посланников в Московию, но в тексте идет речь только об официальном иностранном представительстве:

описывается прием посла при дворе, долгий досмотр, подтверждение личности (о похожих трудностях читаем и в мемуарах де ла Невилля). Что касается простых путешественников, то Жордан обращает внимание на путешествие как деятельность, как страсть, которая должна захватить всех молодых людей, несмотря на такие трудности, как различие языков. Наоборот, путешественник пишет, что в Европе путешествия становятся все легче за счет коммерции и мирных договоров, заключенных французским королем с другими европейскими странами [Voyages historiques...].

Заявление автора статьи о том, что путешественникам въезд в Московское царство ограничен, позволяет сделать несколько выводов. Так, существовало строгое разделение на простых путешественников и послов, людей, совершающих дипломатических поездки. Кроме того, рассмотренные источники свидетельствуют о росте интереса к путешествиям в целом и в Московию в частности, при этом отсутствие реальной возможности посетить Царство компенсировалось статьями в «Journal des savants».

Что касается образа Московии, то автор статьи кратко характеризует географические особенности царства: перечисляет области, с которыми граничит Московия; называет главные водоемы и их протяженность; дает метрические данные о протяженности государства; указывает, на какие части оно разделено. Упоминаются также климатические особенности, флора и фауна. Описываются физиологические особенности москвитов и черты их характера. Например: «Москвиты, как правило, средние, крепкие, свирепые, жестокие, ненавидящие поляков, шведов, татар и всех остальных своих соседей» [Le journal des savans 1698b: 222]. Отмечается также, что люди хотя и заняты с самого раннего детства, но «живут в безделье, только заняты мошенничеством, которое, далеко не осуждается как порок, но является признаком мастерства» [Le journal des savans 1698b: 222]. Помимо этого «москвиты абсолютно пренебрегают наукой» [Le journal des savans 1698b: 223] и, хотя обучаются грамоте, но не читают книг.

Оправдывая пренебрежение книгами, автор описывает труднодоступность печатных изданий: поскольку царь являлся абсолютным монополистом как в вопросах печати, так и чтения, «все их книги написаны от руки. Во всем государстве есть только одна типография, четыре лиги от Москвы, где печатаются только книги для Великого Князя, и Великий Князь почти никогда не дает никаких копий» [Le journal des savans 1698b: 223]. Также быть грамотным не считалось среди населения важным, поэтому, «кто хотел

бы знать больше, заставил бы себя подозревать и поставил бы себя под угрозу наказания» [Le journal des savans 1698b: 223]. В результате в статье создается не самый располагающий образ населения.

К негативным сторонам описанного образа Московии можно также отнести и режим правления. Так, характеризуя государственную систему, журналист пишет: «Правительство абсолютно деспотично, и величайшие князья прославляют свое рабство» [Le journal des savans 1698b: 224]. Экономическая сторона рассказанного также оставляет желать лучшего: журналист пишет, что «в Москве нет рудников, но все равно изобилует золотом и серебром, потому что то, что идет в Россию, никогда не выходит наружу, а жители страны платят только товарами, которые они забирают у соседей» [Le journal des savans 1698b: 223]. Обращается внимание и на богатство царя:

«Однако несомненно, что у него есть средства для накопления огромных богатств. В дополнение к подати, которую он получает со всех своих подданных, он налагает такую чрезмерную дань на все виды напитков, что три кабаке в городе Новгороде платят ему до двенадцати тысяч фунтов в год. Он берет пять процентов на воск, меха и другие товары: десятая часть всего, что требуется в правосудии, принадлежит ему, и десятая часть всех лошадей, которые въезжают в его государство» [Le journal des savans 1698b: 223].

Также подчеркивается, что государь является хозяином «всех земель, что он завладевает благами тех, кто умирает без детей» [Le journal des savans 1698b: 224], но это не мешает «подданным чувствовать себя комфортно» [Le journal des savans 1698b: 224].

Образ московитов, как страшных, злых, алчных людей сглаживается другими сторонами их жизни, описание которых журналист включает в статью. Так, затрагивая религиозную сторону жизни московитов, автор показывает их целомудренными и богобоязненными людьми. Журналист пишет, что «среди них нет места разврату. Когда они хотят сблизиться с женщиной, они сначала снимают с шеи крест, и, если в комнате есть какое-то изображение Святого, они заботятся о том, чтобы покрыть его» [Le journal des savans 1698b: 222].

К положительным сторонам формируемого образа Московии также можно отнести то, что власть не ограничивается только монархом. Помогает царю «Большой Совет», который состоит из «двад-

цати сенаторов, которые, по большей части, являются князьями: ниже есть еще некоторые, каждый из которых решает определенные вопросы, переданные ему» [Le journal des savans 1698b: 224]. Журналист подчеркивает четкие иерархию и распределение обязанностей.

Интересны также исторические вставки в статье. Затрагивая тему грамотности или религии, журналист дополняет всё небольшими историческими справками. Например, описывается история христианства на территории Руси:

«Московиты уверяют нас, что святой Андрей проповедовал отцам их Евангелие, что он прибыл на жерновах в устье Волги, что он поднялся в Новгород, где построил Церковь. <...> На основании этой истории они утверждают, что христианская религия была известна на Руси, прежде чем была известна в других странах, но была упразднена вторжениями татар» [Le journal des savans 1698b: 224].

Другой пример — журналист затрагивает происхождение русского алфавита: «У московитов не было алфавита до 1262 года, когда Михаил Палеолог послал им славянские знаки, которые они используют и по сей день в своих книгах» [Le journal des savans 1698b: 224].

Наконец, автор отдельное внимание уделяет Тартарии, акцентируя внимание на подданство «тартар» московскому «князю». Описание «тартар», данное в статье, более нейтрально, чем описание московитов, однако журналист отмечает, что образ жизни «тартар» вынуждает путешественников «никогда не ходить вне караванов» поодиночке [Le journal des savans 1698b: 225].

Открытым остается вопрос, какими источниками пользовался автор. Если в случае мемуаров де Божё понятно, что автор сам писал текст, то биография Жордана малоизучена, поэтому не известно точно, посещал ли он Московию во время своих путешествий. В книге также нет ссылок на какие-либо опубликованные и известные в то время мемуары, дневники путешественников и т.д. Однако в главе, посвященной генеалогии московских правителей, есть упоминания о некоем знатном поляке (*gentilhomme Polonais*), приславшем автору свои мемуары, из которых де Божё и взял это описание [Voyages historiques ...]. Личность этого человека, как и упоминаний других информаторов, установить, к сожалению, пока не удалось.

Вторая статья в этом выпуске посвящена книге «Записки о Московии» Фуа де ла Невилля, французского дипломата, который не-

которое время находился на службе в Речи Посполитой. С середины 1680-х годов он выполнял разные распоряжения польского короля [Де ла Невилль: 121]: в его дипломатические миссии входили поездки к герцогу Савойскому, в Венецию, Англию и, наконец, Московию, которую он посетил в 1689 году [Де ла Невилль: 17]. Его воспоминания о России наполнены критикой и скептицизмом, поскольку в Москве Невилль столкнулся со множеством трудностей при выполнении данных ему поручений. Связано это было с тем, что Невилль посетил Московию в разгар конфликта между царевной Софьей и сторонниками царя Петра, поэтому дипломат не смог достичь главной цели — добиться аудиенции с русским монархом.

Светлым моментом в пребывании Невилля в Московии становятся контакты с князем В.В. Голицыным, в котором француз видит единственную надежду на европеизацию России [Де ла Невилль: 51]. Дипломат пишет, что прием в доме у князя был проведен на высшем уровне, «будто бы дело происходило при дворе какого-нибудь итальянского князя» [Де ла Невилль: 127].

Несмотря на то, что Невилль выполнял поручения польского короля, посвящение «Записок» адресовано Людовику XIV, для которого изначально и было издано данное дипломатическое описание. Во Францию сочинение дошло через Польшу, поскольку, прежде чем отправиться на родину, Невилль вернулся в Варшаву, откуда был отправлен во Францию с поручением. Тогда же дипломат доставил в Париж и рукопись «Записок о Московии».

На всем протяжении статьи автор умело разделяет описание текущего состояния Московии и описание особенностей жизни москвитов. При этом, говоря о политической обстановке в Московии, журналист особенно подробно останавливается на событиях, приведших к восшествию на престол царя Петра.

Статья начинается с развернутого объяснения «революции» 1682 г. в Московии: автор рассказывает о смене власти после смерти Федора Алексеевича, становлении регентства царевны Софьи, восстании князя И.А. Хованского и так далее, вплоть до начала правления Петра I. Журналист дает настолько красочное описание этих событий, что описание москвитов теряется на их фоне. Описание показывает людей, находящихся в Москве у власти сильными и предприимчивыми, продумывающими каждый свой шаг — в этом москвиты почти соответствуют придворным французского короля, отличаясь от них только склонностью (согласно представлениям иностранцев) к жестокости в исполнении задуманного. Описание же простых людей дано более скомкано, они характеризуются

как «жестокие, бесстыдные, трусливые и скупые. <...> Они исповедуют греческую религию, но их невежество смешало с ней бесконечность суеверий. Их уважение к священникам и монахам — только внешнее» [Le journal des savans 1698b: 267]. Заканчивается статья небольшим абзацем о появлении в Московии Н.Г. Спафария и его путешествии в Китай.

С 1672 года начинает выходить еще одно периодическое издание — «Mercure Galant», которое выделяется среди других видов периодики своим необычным содержанием. Во-первых, каждый выпуск состоял не менее чем из 300 страниц [Schuwey 2019: 1], что сильно отличается от формата легкой для воспроизведения и печати газеты. Во-вторых, издание представляет из себя компиляцию информации из разных источников. Донно де Визе, создатель «Mercure Galant», собирал материалы от читателей из Франции и Европы. Он заводил многочисленные знакомства через переписку, собирал информацию из других газет, давал объявления о сборе материала для публикации [Schuwey 2019: 2].

Стиль статей также выделяется на фоне других газет того времени. Информация в «La Gazette» представляла собой необработанный материал, который «Mercure Galant» преобразовывал, объединяя его с другими источниками. Например, в случае описания битвы, авторы «Mercure Galant» не просто приводили сухие сводки о местонахождении войск, планах и т.п., но создавали насыщенные описания местности, добавляя эмоционально окрашенные эпитеты, а также обращаясь к воспоминаниям людей.

В изученных выпусках информация о Московии появляется в неожиданных контекстах. Так, например, в февральском выпуске 1690 года было опубликовано сообщение о смерти знаменитого путешественника Жана-Батиста Тавернье:

«Мы слышали, что в июле прошлого года в Москве в возрасте восьмидесяти девяти лет скончался знаменитый путешественник Жан-Батист Тавернье. Он был сыном уважаемого в свое время географа, совершил шесть путешествий в Индию по суше и возвратился однажды по морю. Поскольку он никогда не видел Московию, он пошел по этому пути, возвращаясь в Индию в седьмой раз» [Mercure galant 1690b: 211-212].

Как видно из сообщения, Московия упоминается дважды, однако даже из этих незначительных, на первый взгляд, строчек, можно выделить важное замечание автора статьи: Московское царство

интересовало Тавернье, он никогда там не был и хотел его посетить. Действительно, начиная со второй половины XVII века, количество сообщений о Московии растет: упоминания в прессе, публикация дневников и мемуаров, переводы. Все это свидетельствует о росте интереса к Московии во французском обществе. Французские гости прибывают в Московию не только из-за торговых, военных, дипломатических миссий, но и просто из-за желания посмотреть другую страну.

Другой рассмотренный выпуск был издан в январе 1690 года. Статья, в которой упоминается Московия, приурочена к выходу в свет карты Азии, созданной Винченцо Коронелли. Однако сама статья посвящена в большей степени не этому, а воспоминаниям современников Коронелли, посещавших Азию, а также ориенталистов (так в источниках себя нередко называют кабинетные ученые, в большинстве случаев не посещавшие Азию самостоятельно), долго и тщательно собиравших информацию о далеких землях. Как видно из названия карты («L'Asie selon les mémoires les plus pousseaux» — «Азия согласно воспоминаниям наиболее новым») и из статьи в «Меркурии», картограф активно привлекал новые, недавно вышедшие из печати произведения, посвященные путешествиям на Восток: «вложил туда все самое важное из самых новых и самых определенных “Отношений”, в том числе отцов Грюберов, и иезуита Кирхера, и месье Тевено, Тавернье, Бернье, Никипоза, Котель и некоторых других» [Mercure galant 1690a: 274]. Маршруты, пройденные авторами этих воспоминаний, отразились на карте.

В частности, среди этих работ упомянуты две, посвященные Московии. Первая — «Путешествие господина Никипозы, Московита, из Москвы в Китай в 1685 году» («Voyage du sieur Nikiposa, Moscovite, de Moscou à la Chine en 1685»). Это путешествие было опубликовано в сентябрьском выпуске «Меркурия» 1687 года. По словам автора статьи, в работе «отмечают имена людей, городов, рек и так далее, до сегодняшнего дня неизвестных» [Mercure galant 1690a: 275].

Вторая — «Путешествие посла, которого Царь Московии послал по суше в Китай в 1653 году» [Voyage d'un Ambassadeur...]. Полная его версия была опубликована не в «Меркурии», но отдельным из-

[4] — Русскому читателю это произведение известно под названием «Путешествие боярского сына Федора Исакиевича Байкова в Китай в 1654 году». Разница в датах, указанных в названиях — это не опечатка со стороны французского издателя. Байков был отправлен в Китай осенью 1654 года. Из-за разницы в летоисчислении в России это был действительно уже 1654 год, поскольку наступление нового года праздновалось 1 сентября. Во Франции же это был еще 1653 год. В самом «Путешествии» есть примечание об этом. См. [Voyage d'un Ambassadeur...].

данием, подготовленным королевским библиотекарем, ориенталистом и собирателем рассказов о путешествиях месье Тевено в 1681 году [4]. Маршрут из «Путешествия» был также обозначен на карте.

Приведенные произведения и описания карты показывают некоторые новые представления французов о Московии. Во-первых, для заинтересованной публики статья была любопытна обозначением некоторых политических границ: «Те, кто испытывал затруднения в понимании того, как Китай граничит с Московией, увидят эту трудность, четко обозначенную на этой карте, помимо того, как восточные тартары, покорившие Китай, касаются государств царя или императора Московии» [Mercure galant 1690a: 276]. Во-вторых, на карте показаны новые места, которые ранее были недостаточно четко изображены, либо не фигурировали вовсе: «и среди прочего мы на ней заметим длинный путь реки Иртыш, о которой мы до сих пор знали мало, и названия княжеств и городов на ней или рядом с ней, которые не были нанесены ни на одну карту» [Mercure Galant 1690b: 277].

Наконец, по карте можно также определить, включалась ли Московия в Европу или исключалась из нее. Если присмотреться, то граница Европы проходит далеко за Московским княжеством. На самой границе расположена Московия, а за границей лежат «Империи Московии» и «Тартария Московитов». Таким образом, если Московское «княжество» еще включалось в состав Европы (что вполне может быть объяснимо активизацией контактов Московии с Европой и наоборот, со второй половины XVII века, более частыми визитами европейцев в Московское царство, разработкой учебников и словарей для облегченного общения иностранцев с русскими), то территории, лежащие к (юго-)востоку, уже исключались из нее. Возможно, это связано с тем, что данные территории обозначены на карте как напрямую граничащие с Тартарией (будь то Северная, Крымская, Большая и т.д.). Также можно предположить, что поскольку при создании карты ее авторы обращались к многочисленным дневникам и заметкам путешественников, то описания, прочитанные в них, повлияли на восприятие картографов и, соответственно, отразились на таком расположении Московии на Европейской территории.

Таким образом, сообщения о Московии и, следовательно, сведения о ней (как и язык описания) во французской прессе XVII в. можно разделить на три разных группы исходя из специфики рассмотренных изданий.

Первая — информация в официальном французском издании «La Gazette». Сведения изложены в нем сухим дипломатическим языком, мало сообщающим о характере, менталитете или жизненном укладе москвитов. Однако по текстам этого издания можно понять, какое впечатление производила Московия на мировой арене, какое место она занимала между Европой и Османской империей в разгар войны Священной лиги. С одной стороны, пресса транслирует противоречивые действия Московии и формирует образ страны, ищущей личную выгоду в Европейско-Османском конфликте. С другой стороны, Московское царство начинает включаться в Европу за счет установления мирных соглашений и участия в переговорах с послами Императора: так Московия начинает выходить из числа далеких, варварских стран. Изученные выпуски также впервые предоставили сведения о том, что Московское царство начинает развиваться и в сфере морской торговли.

Вторая группа — научные сообщения в «Journal des Savants». Московия здесь — объект исследования путешественников, что обуславливает специфику языка и сведений. Научная газета включает полноценные описания Русского царства, которые свидетельствуют о новом уровне изучения Московии. В статьях наблюдается глубокое погружение в историю и современную повседневность Царства, раскрытие быта и других сфер жизни. Описания представлены не только заметками путешественников или рассказами об отношениях между странами, появляется также первое исследование Московии, которое вынесено в отдельный том энциклопедии Клода Жордана. Ссылка на переписку со знатным поляком, из которой Жордан получал сведения о Московии, указывает на роль Польши как ведущего информационного канала о Московии во Францию. Образ Московии, создаваемый в выпусках, представляется не самым положительным: жители государства изображены крепкими, свирепыми, ненавидящими своих соседей, к тому же необразованными и не стремящимися к знаниям, мошенниками и бездельниками. В то же время москвиты представлены набожными и целомудренными, довольными властью.

Третья группа — статьи в литературно-научном журнале «Mercure Galant». Информация, вынесенная из текстов, показывает новый уровень интереса к Московии. Во-первых, возникают упоминания о желании посетить эту страну. Во-вторых, Московское царство изображается на карте Европы, активно пополняются географические сведения об этой стране. Наконец, появляются французские переводы русских книг. Если раньше данные о Мо-

сковии поступали либо через французских путешественников, либо через переводы книг на других европейских языках, то теперь переводы делаются и напрямую с русского. Формат издания отвечал запросам французской публики: вместо сообщения фактов самих по себе, «*Mercure Galant*» издавал статьи о разного рода источниках, комбинируя, сравнивая и показывая их преимущества по сравнению с более ранними, а также добавляя больше интересных деталей.

Список источников

1. [Де ла Невилль] — Де ла Невилль. Записки о Московии. М: Аллегро-пресс, 1996. 304 с.
2. [Gazette. 1684. № 23] — Gazette, Du 27 Mai 1684. № 23.
3. [Gazette. 1689. № 25] — Gazette, Du 11 Juin 1689. № 25.
4. [Gazette. 1695. № 51] — Gazette, Du 24 Decembre 1695. № 51.
5. [Le journal des savans. 1698a] — Le journal des savans, Du lundi 28 Avril 1698.
6. [Le journal des savans. 1698b] — Le journal des savans, Du lundi 16 Juin 1698.
7. [Mercure galan. 1690a] — Mercure galant, Du janvier 1690.
8. [Mercure galant. 1690b] — Mercure galant, Du février 1690.
9. [Mémoires du chevalier...] — Mémoires du chevalier de Beaujeu. URL: [link](#) (accessed: 16.05.2020).
10. [Voyage d'un Ambassadeur...] — Voyage d'un Ambassadeur que le Czar de Moscovie envoya par terre à la Chine l'an 1653. URL: [link](#) (accessed 28.02.2021).
11. [Voyages historiques...] — Voyages historiques de l'Europe. Vol. 7. URL: [link](#) (accessed 20.05.2020).

Список литературы

1. [Тараканова 2010] — *Тараканова Н.И.* «La Gazette» как первая национальная газета Франции (1631 г.) // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. №3 (9). С. 144–149.
2. [Hatin 1866] — *Hatin E.* Bibliographie historique et critique de la presse périodique française ou Catalogue systématique et raisonné de tous les écrits périodiques de quelque valeur publiés ou ayant circulé en France depuis l'origine du journal jusqu'à nos jours. 1866. URL: [link](#) (accessed 26.05.2020).
3. [Hoefer 1858] — *Hoefer D.* Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris : Firmin Didot frères, 1858. 976 p.
4. [Lambert 1751] — *Lambert C.F.* Histoire Littéraire du Regne de Louis XIV. Dédié au Roy. Tome premier. Paris: Prault, 1751. 588 p. URL: [link](#) (accessed 28.02.2021).
5. [Peignot 1832] — *Peignot G.* Dictionnaire historique et bibliographique. Tome quatrième. Paris : Philippe, 1832. URL: [link](#) (accessed 26.05.2020).
6. [Schuwey 2019] — *Schuwey C.* Le Mercure galant, ou l'écriture collaborative du règne de Louis XIV // Le Verger. 2019. Vol. XIII. P. 1–12.
7. [Vittu 2002] — *Vittu J.P.* La formation d'une institution scientifique : le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 1. P. 179–203.

Анастасия Михайловна Новикова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Департамент истории, бакалаврская программа «История»
amnovikova_3@edu.hse.ru

Anastasiia M. Novikova
National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg), Department of History, BA History programme
amnovikova_3@edu.hse.ru

**ОБРАЗ КРЕСТЬЯНИНА
В ТРУДАХ ИМПЕРАТОРСКОГО
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА**

*Image of the Peasant in the Russian
Free Economic Society in the
Eighteenth Century*

Автор:
Татьяна
Кочнева

Author:
Tatiana
Kochneva

Ключевые
слова:
крестьянский
вопрос,
Императорское
ВЭО, XVIII век.

Key words:
peasant question,
Russian Free
Economic Society,
eighteenth
century.

Аннотация

Статья посвящена исследованию образа крестьян в Трудах Императорского Вольного экономического общества. В материалах Трудов эксплицируется отношение к крестьянам, распространенное в России XVIII века. Автор приходит к выводу, что отношение к крестьянам со стороны крупных землевладельцев и интеллигенции было продиктовано экономической политикой государства, а также тесно связано с риторикой «исправления нравов»: прежде чем давать крестьянину право распоряжаться собственностью и самим собой, необходимо должным образом воспитать его.

Abstract

The article examines the image of peasants in the Proceedings of the Imperial Free Economic Society (Trudy VEO). In the materials published there, one can see the attitude towards peasants, common for eighteenth-century Russia. The author concludes that in general this attitude of large landowners and academic scholars was dictated by the economic policy of the state and was closely tied with the rhetoric of “correction of morals”: before a peasant was given the right to dispose of his property and himself, he had to be properly educated and brought up.

Человек ушедшей эпохи остается для нас загадкой — даже если мы имеем в распоряжении не только хронику его жизни, но и письменные источники от первого лица, бывает довольно трудно проследить в них характер человека, его намерения, его настоящие мысли и представления. «Формульное письмо», с которым мы так часто сталкиваемся в источниках XVIII века, как будто защищает своей внешней формой («планом выражения», если пользоваться терминологией Ф. де Соссюра) значение текста или, по крайней мере, прибавляет к нему какие-то смыслы, которые способны исказить наше понимание написанного. Однако и такие формулы могут послужить отправной точкой для построения нашего представления о прошлом. Другое дело, что иногда речь идет только о констатации распространенности подобных формул, как, например, практически императивная норма употребления словосочетания «от чего Боже сохрани» и его вариаций после упоминания о пожаре. Эти формулы представляют собой материал, требующий не одноступенчатой, а как минимум двухступенчатой дешифровки, и зачастую могут многое рассказать нам не столько о предмете рассказа, сколько о том, кем этот текст написан.

Именно так дело обстоит с источниками, по которым мы можем судить о быте, нравственности, образе жизни крестьян XVIII века. Среди них грамотность была распространена очень низко, что обуславливает малое количество текстов, написанных самими крестьянами. Написанные для крестьян тексты также явно или подспудно обращаются не к ним, а к их владельцам — помещикам, как, например, многочисленные варианты советов по «исправлению сельского домостроительства», печатавшиеся в Трудах Императорского Вольного экономического общества XVIII века. **По написанным о крестьянах и для крестьян текстам мы можем скорее реконструировать представление о них, распространенное в дворянской среде, чем напрямую судить об их морально-нравственном или каком-то ином облике.**

Так, в письмах А.М. Бакунина к Н.А. Львову можно найти замечание о том, что «крепостные, несмотря на видимую между ими и нами разницу, одарены всеми человеческими чувствами, что ливрея, борода и серые кафтаны не препятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения» [Бакунин 2002: 82]. Сегодня это замечание может нам показаться странным: а как же иначе? Неужели наличие бороды и серого кафтана может что-то кардинальным образом поменять в устройстве «природы» человека? Но ответ на этот вопрос не казался таким уж очевидным

современникам Бакунина, и сама его постановка была скорее ироничной по отношению к господствовавшему тогда мнению о «подлом сословии»:

«Признание сей старой истины [что “не только чувствуют растения, но и крепостные люди” — прим. Т.К.], конечно, не новое, но временем важнейшие познания столь затмеваются, что возобновление их почти изобретением называться может» [Бакунин 2002: 81].

Примером такого «фона», на котором могла проявиться новизна «изобретения» Бакунина, могли бы послужить упоминавшиеся выше Труды Императорского Вольного экономического общества, которые начали издаваться при Екатерине II в 1765 году. Сопоставление дискурса «бытового философствования», распространенного среди образованных людей XVIII века [см. Агамалян 2003], и дискурса печатного издания, находившегося под патронажем Екатерины II и отображавшего становление системы просвещенного абсолютизма, может внести свой вклад в критический анализ нашего представления о прошлом.

Эпоха Просвещения как олицетворение торжества разума над невежеством, как выражение стремления к прогрессу и устройству государства на гуманистических принципах отчасти находит свое отражение в тех задачах, которые ставило перед собой ВЭО, и той риторике, которой оно пользовалось. Общество, как указывается в его уставе, «единственным предметом себе полагает народную пользу» [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1], и каждый его член должен служить достижению этой цели по мере своих возможностей, «дабы заслужить имя истинного и усердного Патриота» [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1]. Обращение «ко всем патриотам» отражает эгалитарный язык эпохи Просвещения, но также выявляет и двойственность такого обращения в Трудах ВЭО: как упоминалось выше, наказания и советы, публиковавшиеся в них, адресованы не крестьянам, а их владельцам и управляющим имениями.

Общество создавалось для того, чтобы вводить новые, более прибыльные методы ведения хозяйства, отслеживать передовые технологии в разных областях экономической деятельности, быть своеобразной площадкой для обмена советами и поиска решений для актуальных общественно-экономических проблем. Патриотическая риторика Трудов ВЭО помогала обосновать программу экономического развития страны, которая включала в себя не только

рационализацию хозяйства, но и исправление нравов, что позволяет говорить о нем как о некоем агенте Просвещения.

Однако современного читателя не могут не удивлять те представления об образе жизни и нравах крепостных крестьян, которые содержатся в материалах Трудов. Их смысловая доминанта — отношение к крестьянам как к неразумным детям, которых помещики должны воспитывать, контролировать, при необходимости наказывать, но также не забывать и поощрять. Кроме того, необходимо заботиться об их быте и нравственности, что зачастую подается либо также в контексте попечения о «чадах», либо с оговорками на то, что в противном случае помещик понесет еще большие расходы.

Всплеск публикаций, касающихся напрямую вопросов быта и нравственного облика крестьян (а опосредованно: через советы по ведению подсобного хозяйства, разведению пчел, червей и т.д.) приходится на первые годы существования Общества: в 1765–1771 годы было опубликовано 10 статей в 19 выпусках. Для сравнения: в остальных 33 выпусках за XVIII век (с 1772 по 1798 годы) таких публикаций всего 9 (или 14, если принимать во внимание те материалы, которые относятся и к сельским, и к городским жителям). Здесь может играть роль не только то, что выпуски Трудов после 1775 года стали более редкими (иногда они публиковались даже не каждый год), но и то, что сам вопрос о жизни крестьян и о том, как улучшить их состояние, стал подниматься реже. Ажиотаж в первых выпусках был, по всей видимости, вызван объявлявшимися в 1766 и 1768 годах конкурсами на решение вопросов, связанных с правами крестьян на землю и управлением имениями в отсутствие помещика.

Конкурс сочинений о правах крестьян на землю и вопросах крепостного права был инициирован самой Екатериной II, и независимо от того, с какой целью это было сделано — чтобы прорекламировать себя как просвещенную императрицу, которая покровительствует дискуссиям на острые общественные проблемы, или же в рамках действительной подготовки общества к коренным реформам в области крепостного права, осуществить которые императрице помешали негативно настроенные крупные землевладельцы-представители дворянства, — он действительно подтолкнул общество к решению «крестьянского вопроса» в рационалистическом духе эпохи и способствовал переносу идеала несения государственной службы в область частной жизни в сельской местности [Leckey 2011: 5; 61–101]. Предлагая Обществу обратиться к своей аудитории с вопросом относительно «пользы» крепостного права, императрица обращала внимание

«...на самый главный, коренной вопрос нашего сельского хозяйства. Между тем как общество могло задумывать введение у нас некоторых улучшенных способов обработки земли, увлечься исключительно научною разработкою агрономии, она обращала его внимание на самое страшное препятствие для развития народного благосостояния, а, следовательно, и для усовершенствования земледельческой культуры» [Семевский 1888: 46–47].

Вопрос для конкурса сочинений был сформулирован следующим образом: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение; и сколь далеко его права на то или другое имение простирались должны?» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 1]. Как пишет В.И. Семевский, всего на конкурс было представлено 162 сочинения, из которых русских было всего 7, подавляющее же количество составили немецкие работы — их было 129 [Семевский 1888: 51]. Победителем был признан француз Беарде де Лабей, «доктор прав церковных и гражданских в Акене» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 2]. Вопрос о том, печатать ли его сочинение, и если печатать, то в оригинале или в переводе, решался довольно мучительно, хотя Екатерина II не возражала против того, чтобы напечатать его на русском языке [Семевский 1888: 53]. В результате долгих обсуждений оно стало единственным среди всех конкурсных работ сочинением, опубликованным в Трудах ВЭО. Сегодня сама постановка вопроса о пользе или вреде крепостного права кажется нам революционной для рассматриваемого исторического периода, и дискуссии о возможности публикации этого довольно умеренного в решении «крестьянского вопроса» сочинения отчасти подтверждают это положение.

Структура аргументации в сочинении Беарде де Лабея способна завести в тупик неискушенного читателя: в первой части работы, апеллируя к позиции «человеколюбивого христианина» и подкрепляя свои суждения описанием той несомненной пользы, которую государство получит в случае освобождения крестьян, автор как будто говорит о необходимости отмены крепостного права. «Человеколюбивый христианин не разчисляет достоинств: царя и крестьянина, господина и раба считает он равно себе братьями. Любовь к ближнему <...> не предписывает пределов благосостоянию и самого малого человека» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 2], — пишет он, и также заявляет, что богатое государство — не то, где богаты только отдельные люди, но где обеспечены все граждане и, в первую очередь, крестьяне как главные кормильцы

страны. В то же время владеть имением и при этом не быть хозяином самому себе невозможно, потому крестьян следует «освободить с землей», выражаясь более поздней терминологией, а в противном случае «богатство принадлежащее рабу, подобно побрякушкам серебряным, у собаки на ошейнике висящим» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 12].

Однако во второй части статьи гуманистические аргументы в пользу освобождения крестьян сменяются рассуждениями о том, что в настоящих условиях наделение крестьян собственностью, а тем более их освобождение, вещь невозможная и даже вредная: «Не безрассудно ли бы было, а иногда и опасно, вывести посреди сего общества дикого человека, раба не знающего ни сих законов, ни сих обрядов. Не то ли бы самое было отвязать неприрученного медведя, и пустить его между людей?» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 37]. Прежде чем сделать крестьянина членом общества, владелец должен позаботиться о его воспитании, но опять же воспитание не в том смысле, как мы могли бы посчитать сегодня (воспитание нравов, образование), а путем воздействия на его страсти и, в первую очередь, желание иметь собственность. Традиционно упоминая, что предлагаемые им советы будут только способствовать обогащению помещиков, автор предлагает владельцам крестьян действовать следующим образом:

«Они могут в то же время благодеянием своим поставить самую высокую цену, то есть, что крестьяне желаемой ими вольности иначе надеяться не должны, как за самые великие их труды. Таким образом господин мог бы сказать нескольким семьям своих рабов: в прошедшем году обработали вы только сто десятин; <...> удвойте ваши старания и труды для моей пользы, обработайте с усердием вверенную мною вам землю, и как скоро вы доведете ее до того, что доходы мои с нее умножатся еще до ста мер более хлеба, то я вам дам землю в собственное владение... <...>

Таким-то образом единое обещание вольности может уже знатно умножить доходы» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 42–43].

Следующим этапом воспитательного процесса должно быть побуждение освободившегося крестьянина стыдиться своего прежнего состояния и возбуждать ревность в своих «прежних собратях»:

«Надобно, чтоб крестьянин сделавшись владельцем, гнушался оставшимися еще в рабстве своими прежними собратями; чтоб одежда была особливо отменным знаком, который бы всегда в глаза метался: убранство сильнее всего действует в простых душах; зависть, ревность, досада произведут чудеса» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 45–46].

Таким образом, «тяга к вольности» и умение ей распоряжаться правильно (а не впадать в праздность и лень) должна распространяться в силу действенности наглядного примера. Вспомним, что те же средства: отличать одних крестьян от других дорогой одеждой, «лакомить» их и проч. — осуждались как «дающие начала всем порокам» в анонимно опубликованной книге «Друг крестьян», автором которой позднее заявил себя Н.И. Страхов [Костин 2014: 350]. Стоит отметить, однако, что в ней и не предлагалось открывать крестьянам перспективу некоего социального лифта и готовить их к возможности самостоятельного, без патронажа помещика, существования. В то же время помещикам рекомендовалось отличать, поощрять наиболее трудолюбивых и ответственных среди крестьян [Друг крестьян. 1793: 46–47]. Неразрывное переплетение проектов экономических преобразований и способов исправления нравов, характерное для этого и других текстов Страбова [Костин 2014: 353], отличает просветительский дискурс эпохи в целом с его акцентом на переделке, воспитании, лепке человеческого материала.

Рассуждения о «природе» крестьян и об образе их жизни можно найти в статьях с самым неожиданным для такого содержания названиями. Так, например, во второй части статьи «Дружеские советы благородным сельским жителям», рекомендуемой автором как советы по земледелию и домостроительству, помимо описания видов земли и методов ее обработки, содержатся советы по организации жизни крестьян и совершенствованию методов управления ими. Помещику предлагается ввести новые должности в деревне, помимо управляющего: это должность десятского, который следил бы за тем, как крестьяне ведут свое хозяйство, управляются со скотиной, и еженедельно докладывал бы обо всех происшествиях помещику; а также должность надзирательницы, «которая бы за всех баб отвечала, и доносила бы об ленивых» [Дружеские советы... 1767. Т. 6. Ч. 6: 30–31].

В полном соответствии с моделью воспитания, репрезентируемой в «крестьянском дискурсе» Общества, собирательный образ «воспитанника» содержит в себе все подразумевающиеся у «нераз-

умного ребенка» черты. Он ленив: «когда бедные, или справедливо сказать, ленивые не заплатят государственную подать...» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 8]; он не стремится улучшить свою жизнь: «из всех почти же мест произошли жалобы о нерадении крестьянства, довольствующегося единственно тем, когда оно себе и домашним доставило скудное пропитание, и не обретает впрочем никакого увеселения кроме одной праздности и лености» [Изъяснение способа... 1770. Т. 16. Ч. 16: 239]; веселье его состоит только в одном пьянстве [О поправлении деревень. 1771. Т. 17. Ч. 17: 114]. Праздность крестьянина чаще всего упоминается среди пороков, к исправлению которого должны служить так называемые побочные работы: ими можно заниматься круглый год, в том числе и зимой, когда крестьянам «нечего делать». Среди следствий «народного бездействия» перечисляются «бедность, горестное житье, глупость, уныние, беспечность и беспристрастие к почестям» [О побочных... 1783. Т. 33. Ч. 3: 102].

С этой точки зрения мы можем увидеть некое смещение акцента с воспитания покорности в крестьянах на заботу об их эффективности для помещика и государства в целом. Материалы, варьирующие в своем названии словосочетание «к исправлению домостроительства», начинают превалировать среди опубликованных в Трудах сочинений в самом скором времени после открытия Общества. При этом они охватывают самый широкий спектр вопросов жизни крестьян, подлежащих регулированию со стороны владельца: начиная от устройства жилого помещения и порядка распределения сельскохозяйственных работ до вопросов брака, организации досуга и пользы проповедей, исходящих от лица церкви, на социально-значимые темы, например, о прививании оспы. За счет идеально прописанного, полностью регламентированного образа жизни крестьянина и устройства деревни в целом можно добиться максимальной отдачи со стороны крестьян, которые в противном случае будут только лениться и все больше разоряться.

В то же время некоторые сочинения об управлении имениями содержат обоснование того, что в некоторых вопросах крестьянам необходимо оставить свободу: например, в судопроизводстве. Граф А.Р. Воронцов, предупреждая «владельцев сел и деревень» о дурных последствиях самоуправства и насилия со стороны управляющего имением, предлагает разрешить крестьянам иметь «собственный суд, учрежденный из самих себя, смотря по числу великости села или деревни, выбирая из самых лучших людей, которые больше других к хлебопашеству и скотоводству прилежат» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 3].

Вмешательство же во внутренние дела крестьян управляющего и излишняя жестокость с его стороны становятся причиной того, что «всякий из них старается переменить свое состояние ко вреду своего господина и к убытку некоторому государственному» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 3]. Способы к исправлению сельского домостроительства, предлагаемые Воронцовым, основываются на знакомом нам принципе воспитания необходимых качеств в крестьянах: трудолюбия и ответственности за свое хозяйство. Много внимания, как и в сочинении Беарде де Лабея, уделяется силе примера, который крестьяне имеют перед собой:

«Отменного прилежания людей к земледелию и скотоводству должно принимать и обходиться с ласкою перед прочими, и таковых крестьян, которые в оном других искуснее и трудолюбивее, ободрять публичною похвалою за скотоводство и домостроительство, и в случае рекрутских наборов, детей или братьев их отнюдь не отдавать, хотя б за их домом и очередь была» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 4].

Ленивых же Воронцов предлагает «употреблять в работу и в праздничные дни; ибо бог требует от людей добродетели, правды и трудов, а не праздности» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 8].

Однако сказанное не отменяет, как представляется, самой идеи регламентации жизни крестьян: в проекте Воронцова по-прежнему большое значение придается устройству деревни как «идеального государства» в миниатюре. Вопросы, в которых требуется установление жестких правил, простираются от проверки инвентаря перед началом сельскохозяйственных работ до вопросов брака: «Не меньше нужно смотреть, чтоб всякий земледелец был женат» [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 10]. Для облегчения женитьбы Воронцов предлагает отменить плату «за вывод» невест из одного имения в другое и вести подсчеты «подушно», не обременяя крестьян лишними денежными расходами [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5: 10].

«Наказ для управителя или приказчика, о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина» П.И. Рычкова также содержит элементы регламентации образа жизни крестьян. Советуя обучать детей грамоте, чтобы не допустить привыкания их с малых лет к «праздности и лености», Рычков в то же время рекомендует:

«...чтоб в деревне сто душ имеющей писать умеющих крестьян более двух или трех человек не было; ибо примечается, что из таких людей научившиеся писать знание свое употребляют сочинением фальшивых паспортов и тому подобное» [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16: 16–17].

Помимо заботы о просвещении крестьян, приказчик должен также заботиться и об их духовной жизни: «побуждать подчиненных ему людей и крестьян, чтоб они в воскресные и праздничные дни, а особливо в великий пост, исполняли христианские свои должности, от которых зависит их блаженство и благоденствие» [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16: 17].

Многие сочинения в Трудах ВЭО посвящены исправлению крестьянских жилищ: построению новых деревень и благоустройству существующих, повышению производительности крестьянских хозяйств и доходности имений. Представляется, что это может быть интерпретировано не только как стремление государства к повышению экономического благосостояния, но и как желание дворян обустроить свое хозяйство наилучшим образом: после Манифеста 1762 года, освободившего их от обязательной воинской службы в мирное время, они как раз получили возможность этим заниматься. Являясь в своем имении хозяином самому себе и тем более своим крепостным крестьянам, помещик действительно воплощал «фундаментальную идею целостности “микромра усадьбы” как отражения самого мироздания» [Кулакова 2011: 99]. Вероятно поэтому дискурс наставлений для владельцев крестьян так похож на некую счастливую утопию, в которой мудрый хозяин способен построить свое собственное «государство в государстве», где он с радостью меняет роль подданного на роль самостоятельного владетеля и управляет благодетельствованными крестьянами [Гуковский 1936: 93].

В то же время «микромра усадьбы» в отношении «крестьянского вопроса», как он представлен в Трудах ВЭО, опирается скорее не на гуманистический дискурс о естественных правах человека, о пагубности крепостного права, о принципиальной допустимости или недопустимости рабства (что может быть справедливо в отношении отдельных образованных людей, как мы видели на примере М. А. Бакунина), а на вполне приземленное и утилитарное стремление рационализировать отношение помещика к крестьянину и сохранить биологическое тело подданного как государственную экономическую единицу. Эта мысль часто встречается на страницах сочинений, посвященных, например, устройству жилищ для крестьян.

Так, автор сочинения «О строении жилых покоев для простого народа» рекомендует помещикам следить за тем, чтобы крестьянские дома были пригодны для жизни: не стояли в сырой местности, могли проветриваться, имели не слишком низкие потолки и т.д. Свои рекомендации автор объясняет, прежде всего, тем, что плохие условия жизни приводят к болезням и тот,

«...кто, строя дом, делает по одной скупости низкие покои для своих людей, тот со временем от частых и иногда продолжительных болезней <...> вовсе потерпит двойной убыток против того, что он таким своим строением сберечь надеялся» [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1: 106–107].

После этого экономического аргумента приводится и собственно «гуманистический»:

«Поелику сверх сего почесть можно за некоторое бесчеловечие, чтоб для сбережения небольшой корысти, что единственно причиною есть такого дурного строения, причинять вред здоровью других, то от сего вредного порока должно бы было всячески остерегаться» [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1: 107].

Патерналистский дискурс, который в целом представлен в Трудах в двух ракурсах: как попечение о детях и как забота об экономической единице владения — может быть истолкован и с позиции представления о крестьянах как о некоем Другом, в противоположность которому выстраивается собственная идентичность. При чтении материалов, посвященных образу жизни и нравственности крестьян, невольно возникает ассоциация не только с детьми, но и с младенческими народами, которых недаром соединял вместе Ф. Шиллер, утверждая, что они «заставляют нас оглянуться на себя самих и на то, что в нас чуждо природе» [Шиллер 1957: 388]. По аналогии с тем, как, по мысли Э. Саида, «Восток помог определить Европу (или Запад) как ее контрастный образ, идею, личность, опыт» [Said 2003: 1–2], так и крестьянское сословие, возможно, служило для дворян (и вообще для образованных и свободных людей России XVIII века) тем зеркалом, смотря в которое, они выстраивали представление о самих себе — как оппозицию тому, что видели.

Вероятно, эта мысль достаточно тривиальна и уже не раз высказывалась с разной степенью радикальности. Широко известно принадле-

жащее, как предполагается, А.С. Грибоедову, красноречивое свидетельство о разобщенности русского народа:

«Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами» [Грибоедов 1988: 383].

Этим и другими отрывками из «Загородной прогулки» А. Эткинд иллюстрирует особенности «внутренней колонизации», характерной для имперской России [Эткинд 2013: 167]. Ее высшие и низшие сословия соотносятся друг с другом так же, как метрополия и колония, и представление одних о других опосредовано серьезным культурным барьером.

В Трудах Вольного экономического общества мы также встречаем следы этой «внутренней колонизации». Крестьяне в них предстают, по выражению переводчика сочинения Б. де Лабея, «самодвижущимися махинами» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 59], которые неспособны к самостоятельной жизни без помощи помещика, а потому образно сближаются с маленькими детьми и первобытными народами. Анализируя историю ВЭО и публиковавшиеся в Трудах материалы, К. Лаки приходит к выводу, что Общество в целом «имеет небольшое историческое значение, за исключением того, что служит зеркалом наиболее глубоких социально-экономических и политических недостатков, от которых страдал старый российский режим» [Leskey 2005: 258]. Возможно, это заключение звучит радикально, но в то же время оно имеет веские основания. Риторика эпохи Просвещения эксплуатировалась применительно к необходимости образования и воспитания крестьян как условия их освобождения, однако отчасти эта эксплуатация была инструментом оправдания откладывания реформ и прежде всего — отмены крепостного права.

В то же время нельзя отрицать и значения ВЭО как некоего прототипа гражданского общества, возникновение которого, как отмечает Дж. Брэдли, «знаменует собой начало взаимодействия общества в лице добровольных ассоциаций с царским самодержавием, когда ВЭО и МОСХ [Московское общество сельского хозяйства — прим. Т.К.] стали рупорами общественных дискуссий и местом распространения мнений по широкому спектру тем, касающихся на-

уки и экономики» [Брэдли 2012: 53]. Помещая историю научных сообществ в России в общеевропейский контекст развития добровольных ассоциаций, исследователь выделяет общие черты становления этих институций: образованные «под крылом» государственной власти в лице монарха, они должны были способствовать модернизации страны, но свобода их деятельности была ограничена требованием не вмешиваться в политическую сферу жизни общества. ВЭО как добровольная ассоциация и ранний пример гражданского общества «могло помочь государю эффективно управлять, а также нести прогресс и цивилизацию народу страны» [Брэдли 2012: 94]. Поднимавшиеся на страницах Трудов ВЭО вопросы действительно отражали насущные проблемы общества, а советы по их разрешению эксплицитировали доминирующий взгляд на пути решения этих проблем: разумное ведение хозяйства и забота о крестьянах как часть программы по экономическому развитию государства.

Таким образом, возвращаясь к замечанию Бакунина о том, что и крепостные крестьяне могут чувствовать, мы можем действительно заметить заключающуюся в его словах иронию по отношению к превалировавшему (во всяком случае, официально, и в том числе на страницах Трудов ВЭО) мнению о крестьянах как о «подлом сословии», которому только предстоит быть преобразенными в «человеков» [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8: 59]. «Самодвижущиеся машины» не могут «чувствовать», но забота об их воспитании и образе жизни со временем принесет плоды и позволит «сделать их более счастливыми» (и заодно и оптимизировать их экономическую производительность) — вот рецепт, который в самом общем виде предлагала эпоха Просвещения в отношении младенческих народов. Как один из основных агентов Просвещения, Императорское Вольное экономическое общество также транслировало эту мысль.

Список источников

1. [Друг крестьян. 1793] — Друг крестьян, или Разные мнения и предложения о сельском благоустройстве; о разных полезных заведениях; о попечительности нравов; и о воспитании крестьян. М., 1793. 84 с.
2. [Дружеские советы... 1767. Т.6. Ч. 6] — Дружеские советы благородным сельским жителям, в двух отделениях состоящие: из оных первое о Добродетели и Пороках, второе о Земледелии и Домостроительстве // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. 6. Ч. 6. С. 1–37.
3. [Изъяснение способа... 1770. Т. 16. Ч. 16] — Изъяснение способа к поощрению земледельцев к трудолюбию // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. 16. Ч. 16. С. 237–256.
4. [О побочных... 1783. Т. 33. Ч. 3] — О побочных крестьянских работах // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1783. Т. 33. Ч. 3. С. 100–171.
5. [О поправлении деревень. 1771. Т. 17. Ч. 17] — О поправлении деревень // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1771. Т. 17. Ч. 17. С. 112–156.
6. [О способах... 1767. Т. 5. Ч. 5] — О способах к исправлению сельского домостроительства // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. 5. Ч. 5. С. 1–12.
7. [О строении... 1765. Т. 1. Ч. 1] — О строении жилых покоев для простого народа // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1765. Т. 1. Ч. 1. С. 101–107.
8. [Перевод сочинения... 1768. Т. 8. Ч. 8] — Перевод сочинения [Бернарде де Лабея], присланного в Вольное Экономическое Общество в ответ на заданный в 1766 вопрос // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1768. Т. 8. Ч. 8. С. 1–59.
9. [Сочиненный Господином... 1770. Т. 16. Ч. 16] — Сочиненный Господином Статским Советником Петром Ивановичем Рычковым наказ для деревенского управителя // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. 16. Ч. 16. С. 13–68.
10. [Устав ВЭО. 1765. Т. 1. Ч. 1] — Устав Вольного экономического общества // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1765. Т. 1. Ч. 1. Без пагинации.

Список литературы

1. [Агамалян 2003] — *Агамалян Л.Г.* «Дворянское философствование» эпохи Просвещения // Философский век: альманах. Вып. 24. История философии как философия. Часть 1. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2003. С. 228–235.
2. [Бакунин 2002] — *Бакунин А.М.* Письма к Н.А. Львову. Публикация, вступительная статья и комментарии Л.Г. Агамалян // Ежегодник Рукописного Отдела ИРЛИ. СПб., 2002. С. 43–95.
3. [Брэдли 2012] — *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество / пер. с англ. М.Н. Карпец. М.: Новый хронограф, 2012. 449 с.
4. [Грибоедов 1988] — *Грибоедов А.С.* Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. 751 с.
5. [Гуковский 1936] — *Гуковский Г.А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.: Издательство Академии наук, 1936. 247 с.
6. [Костин 2014] — *Костин А.А.* Писатель на службе. Случай Н.И. Стрехова // Russian Literature. 2014. Т. 75. №1–4. С. 333–361.
7. [Кулакова 2011] — *Кулакова И.П.* Российское «просвещенное дворянство» в контексте идей Нового времени: специфика форм интеллектуальной деятельности (XVIII–первая треть XIX вв.) // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 90–119.
8. [Семевский 1888] — *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: Т. 1. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1888. 524 с.
9. [Шиллер 1957] — *Шиллер Ф.* Собрание сочинений в семи томах: Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 793 с.
10. [Эткинд 2013] — *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
11. [Leckey 2005] — *Leckey C.* Patronage and Public Culture in the Russian Free Economic Society, 1765–1796 // Slavic Review. 2005. Vol. 64. №2. P. 355–379.
12. [Leckey 2011] — *Leckey C.* Patrons of Enlightenment: The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark: University of Delaware Press, 2011. 224 p.
13. [Said 2003] — *Said E.* Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.

Татьяна Анатольевна Кочнева
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург, Департамент филологии, магистерская программа «Русская литература в кросс-культурной и интермедиальной перспективах»
tany-kotschneva@mail.ru

Tatiana A. Kochneva
National Research University Higher School of Economics (Saint-Petersburg), Department of Philology, MA programme “Russian Literature in Cross-cultural and Intermedial Perspective”
tany-kotschneva@mail.ru

УДК:
93/94

ПЕЧАТЬ О V ВСЕРОССИЙСКОМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ
СЪЕЗДЕ 1881 ГОДА
В ТИФЛИСЕ: ВЛАСТЬ И НАУКА

*The 5th Russian Archaeological
Congress of 1881 in Tiflis in the
Press: Power and Science*

Автор:
Александра
Кокиева

Author:
Aleksandra
Kokieva

Ключевые
слова:
интеграция
Кавказа,
археологический
съезд, Тифлис
(Тбилиси).

Key words:
integration of
the Caucasus,
archaeological
congress, Tiflis
(Tbilisi).

Аннотация

В конце XIX в. Российская империя начинает освоение пространства Кавказа силами науки, частью этого процесса в 1881 г. становится V Всероссийский археологический съезд в Тифлисе. В данной статье при помощи анализа печати показывается, как общество видело взаимоотношения власти и науки в связи с проведением научного события на Кавказе.

Abstract

At the end of the XIX century, the Russian Empire began the conquest of the Caucasus by the forces of science. For this reason, there was organized the 5th Russian Archaeological Congress in Tiflis in 1881. In this article, using the analysis of the press, it is shown how society viewed the relationship between government and science through the scientific event in the Caucasus.

В XIX в. в Российской империи институционализируется наука археология, появляются научные сообщества, ведущую роль среди которых играют Московское археологическое общество и Императорская археологическая комиссия (именно они координировали исследования на территории империи) [Императорская археологическая комиссия 2009]. Как отмечают исследователи, в тот период внимание археологов было сосредоточено не только на данных своей науки, но и на исследованиях смежных дисциплин (истории, этнографии, нумизматики, филологии и др.) [Смирнов 2011: 10–11]. Такая междисциплинарность отразилась в концепции проводимых в кон. XIX–нач. XX в. Всероссийских археологических съездов, на которых зачитывались доклады не только по археологии, но и по истории, этнографии, филологии. Инициированные в 1860-ые годы графом А.С. Уваровым [1] съезды стали регулярно проводиться в разных городах Российской империи. Такие мероприятия, во-первых, привлекали внимание исследователей к изучению разных регионов Российской империи, тем самым сближая ученых всей империи, во-вторых, допускали к участию в съезде людей, не имеющих научной степени, тем самым популяризируя науку [Серых 2014а; Смирнов 2011; Лоскутова 2009]. К организации съездов проявляло внимание государство. Проведение каждого съезда согласовывалось с министерством народного просвещения и императором, а финансирование зачастую исходило от государства или членов царской фамилии [Серых 2014а: 74–79]. Также, по мнению исследователей, съезды были связаны с процессом русификации окраин империи, являясь, с одной стороны, осуществлением этой политики, с другой стороны, испытывая на себе ее влияние, что отразилось на темах, поднимаемых на съездах. Классическим примером подобного влияния в историографии являются съезды в Прибалтике и на Кавказе. Они иллюстрируют собой провал политизации съездов в одном случае, и ее успех в другом. Так, если съезд в Прибалтике был встречен публикой негативно, то съезд на Кавказе оказался самым популярным из всех. Более того, по итогам проведения последнего Московское археологическое общество получило статус Императорского [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Таким образом, в историографии показано, как археология приобрела роль проводника имперской политики, осознаваемую как самим государством, так и археологами.

[1] – Уваров Алексей Сергеевич (1824–1884) – русский археолог, сын Сергея Сергеевича Уварова. Основатель Московского археологического общества. Инициатор проведения Всероссийских археологических съездов. По мнению исследователей, именно благодаря его связям и влиянию стало возможным проведение этих мероприятий [Серых 2014а].

Связь археологии и имперской политики ставит съезды в центр дискуссий об отношениях науки и власти в Российской империи конца XIX в. Из историографии, посвященной съездам, следует, что государство поставило археологов-экспертов на службу своим интересам. Альтернативная точка зрения в историографии заключается в том, что административная система и самодержавие Российской империи оказывали сопротивление экспертам в их попытке способствовать установлению властных отношений. Это направление в историографии было вдохновлено концепциями М. Фуко о роли экспертного знания в обществе и государстве, а также концепцией Э. Саида об ориентализме, его влиянии при построении идентичности на основе противопоставления «свой» — «чужой» и его связи с европейским колониализмом. Эти концепции вызвали критику со стороны специалистов по истории Российской империи. Так, в работах Л. Энгельштейн и Н. Найта показано, что российское самодержавие и бюрократия не дали экспертам осуществить влияние на управление империей в полной мере [Engelstein 1993; Knight 2000]. Статья Н. Найта о неудачной попытке востоковеда содействовать администрации Оренбурга вызвала дискуссию на страницах журнала «Критика». Дискуссия была посвящена проблемам изучения российского ориентализма, связанным с «восточностью» Российской империи относительно «Европы» и «европейскостью» относительно «Востока», а также вытекающими из этого сложностями построения идентичности. Всего исследователями было предложено три варианта взгляда на Российскую империю в ее отношениях с «Востоком»: как на уникальный случай, как на вариацию европейских случаев и как на типично европейский случай [Ex Tempore 2000]. О проблемах российского ориентализма пишет и В. Тольц, говоря о «собственном Востоке России» и обозначая две тенденции в развитии отечественной науки: стремление к «национализации» и расширению связей с европейским научным миром [Тольц 2013].

В настоящей статье при помощи анализа газетных публикаций о Тифлисском съезде раскрываются некоторые аспекты отношений, связывающих науку, власть и общество. Это становится возможным благодаря применению концепции «конструирующей силы дискурса» и взаимосвязи власти и знания М. Фуко, которая предполагает возникновение отношений власти при формировании области знаний и наоборот [Филлипс, Йоргенсен 2008; Фуко 1999]. Следовательно, включение научного события в дискурсы в печати может рассматриваться как возникновение отношений

власти: с этого момента взаимодействие науки с властью выходит за рамки производства научного знания, что так или иначе отражается в текстах периодических изданий. В данной работе предпринимается попытка доказать положения о том, что, во-первых, тесная связь науки и власти осознается обществом Российской империи конца XIX в., во-вторых, что это осознание оборачивается критикой как научности съезда, так и власти [2].

V Всероссийский археологический съезд в Тифлисе состоялся в 1881 г. Исследователи выделяют два главных социально-политических контекста, связанных с проведением съезда: внешний — окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [3] и внутренний — вступление на престол Александра III, при правлении которого усиливается политика русификации [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Таким образом, съезд оказывается втянут параллельно в процесс закрепления Кавказа за Россией и в процесс формирования «русской» империи (что перекликается с мнением В. Тольц о двух стремлениях отечественной науки, описанных выше). Это отразилось на вопросах, поднимаемых на съезде: впервые православные памятники были отделены от мусульманских. На предыдущем съезде в Казани — территории, на которой политика в отношении мусульман была для империи не менее актуальна, чем на Кавказе — такого разделения еще не было [Смирнов 2011; Серых 2014а]. Также следует отметить, что место проведения V съезда было дискуссионным, пока на выборе в пользу Кавказа не настоял великий князь Михаил Николаевич [4]. Итоги съезда в историографии оцениваются с двух точек зрения. Во-первых, съезд положил начало активному научному изучению Кавказа [Императорская Археологическая Комиссия 2009; Колесникова и др., 2019]. Во-вторых, способствовал утверждению власти Российской империи на Кавказе, что отразилось на вопросах, обсуждаемых на съезде [Смирнов

[2] – О власти, знании и Тифлисском съезде см. также в статье «V Всероссийский археологический съезд 1881 года в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов», где подробно разбираются выявленные в печати дискурсы и то, на чем они строятся [Кокиева 2020].

[3] – Конечно, отдельные сведения о культурном наследии Кавказа собирались и ранее, но только после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стало возможным настоящее научное изучение Кавказа [Смирнов 2011; Серых 2014а; Императорская археологическая комиссия 2009].

[4] – Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) — младший сын Николая I, в 1862–1881 гг. занимал пост наместника Его Императорского Величества на Кавказе. Именно по его инициативе V Всероссийский археологический съезд было решено проводить на Кавказе, в Тифлисе, на что сам великий князь выделил 15.000 руб. О спорах по поводу места проведения съезда см. [Смирнов 2011].

2011; Серых 2014a]. Выводы, сделанные исследователями об итогах съезда, обусловлены опорой на определенные источники: Труды и Протоколы подготовительного комитета съезда, Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе, опубликованные по итогам съезда, а также Протоколы Подготовительного комитета, опубликованные до начала съезда в 1879 году. Все эти источники отражают влияние политики на научное знание, но мало иллюстрируют, как наука взаимодействует с обществом [5]. Следовательно, необходимо понять, как археологический съезд мог стать политическим событием для широкой публики.

В качестве источников для поиска ответа на этот вопрос взята периодическая печать 1881–1882 гг., освещающая Тифлисский съезд: статьи в газете «Кавказ» [6], статьи и карикатуры в журнале «Фаланга» [7], статьи в журналах «Русская мысль» [8], «Зодчий» [9] и «Исторический вестник» [10]. Достоинство такой подборки источников выражается в том, что, во-первых, она позволяет судить о репрезентациях съезда и для Кавказа («Кавказ» и «Фаланга»), и для метрополии («Русская мысль», «Зодчий», «Исторический вестник»); а во-вторых, разнообразие характера изданий (от художественно-юмористического журнала до ежедневной газеты) дает широкий спектр взглядов на съезд, политику и науку.

Здесь надо остановиться на вопросах авторства и публики, которой предназначались сообщения в печати. Определить автора можно далеко не всегда: чаще всего он либо не указывался вовсе, либо публиковался под псевдонимом. Но в отдельных случаях можно проследить связь между автором и стратегией, выбранной им

[5] – А.С. Смирнов в труде, посвященном съездам, уделял внимание одной из статей, анализируемых в данной работе [Смирнов 2011: 152]

[6] – «Кавказ» – политическая и литературная газета, включающая в себя анонсы различных культурных мероприятий, издававшаяся ежедневно в Тифлисе, но с возможной подпиской в Санкт-Петербурге и Москве. Газета выходила на русском и армянском языках, в данной работе анализируется русскоязычная версия газеты.

[7] – «Фаланга» – художественно-юмористический журнал, издавался в Тифлисе в 1880–1881 гг. Автором карикатур на съезд был Михаил Михайлович Чемоданов, известный по юмористическим зарисовкам на политические темы. Две из трех карикатур, посвященных съезду, были опубликованы в статье Д.В. Серых [Серых 2014b]. Ознакомиться с этим журналом можно в Журнальном фонде РНБ.

[8] – «Русская мысль» – научный, литературный и политический журнал, издавался в Москве в 1880–1918 гг.

[9] – «Зодчий» – архитектурный и художественно-технический журнал, с возможностью доставки за границу и рассрочками для студентов учебных заведений, издававшийся Санкт-Петербургским обществом архитекторов с 1872 до 1924 гг.

[10] – «Исторический вестник» – историко-литературный журнал, издавался ежемесячно в Петербурге в 1880–1917 гг.

для описания съезда. Так, статья, написанная В. Ф. Миллером, указывает на роль в организации съезда великого князя Михаила Николаевича и популярность съезда среди местного населения в том же стиле, в каком это делается в Трудах съезда [Труды... 1887; Миллер 1882] или же в мемуарах П.С. Уваровой [Уварова 2005]. Автор стремится сделать акцент на научном значении и содержании мероприятия, отдавая должное спонсировавшим его властям. Исходя из типа публики, на которую ориентировалась печать о съезде, можно предположить, что вопрос о месте Кавказа в империи казался актуальным не только для местного населения, но и для населения метрополии.

Вопрос финансирования съезда имеет две грани: с одной стороны, он ставит под удар науку, которая оказывается политически ангажированной. Так, финансирование съезда членом царской фамилии используется в историографии в качестве аргумента в пользу подчиненного положения науки по отношению к власти. Упоминание этой подробности присутствует и в источниках, чаще всего для того, чтобы показать значимость съезда в связи с покровительством российских властей [Кавказ. 1881. №198]. С другой стороны, в «Историческом вестнике», например, ставится под сомнение целесообразность действий властей через критику финансирования съезда [Исторический вестник. 1881]. Таким образом, вопрос об источнике финансирования служит обоюдоострым лезвием для науки и власти одновременно: критикуют не только ангажированность науки, но и власть, которая расходует на науку большие средства (в «Историческом вестнике» приводится цифра в 40 000 руб.). Также необходимо упомянуть, что финансово поддерживали съезд не только власти, но и различные транспортные компании, которые снижали стоимость проезда для членов съезда до суммы, которую компания должна уплатить государству [Кавказ. 1881. №189]. Этот факт — важное дополнение в разговоре об отношениях общества и археологии, так как в историографии принято делать акцент на зависимости съезда от государства в связи с его финансированием. Однако содействие негосударственных организаций, таких как транспортные компании, в финансировании мероприятия актуализирует вопрос о заинтересованности высших кругов общества во взаимодействии с наукой.

Также необходимо отметить дискуссионность понимания археологии обществом вообще, что неизбежно связывалось и с научностью съезда, и с его политической ролью. Тема значения археологии для общества и человека регулярно фигурирует в печати.

В газете «Кавказ» ведется спор между «простым обывателем», то есть представителем кавказской интеллигенции, и «приезжим археологом» [Кавказ. 1881. №202; Кавказ. 1881. №206; Кавказ. 1881. №208; Кавказ. 1881. №214] об эффективности привлечения к заседаниям съезда лиц, не имеющих к науке никакого отношения, а также о междисциплинарности проводимых заседаний. Итогом дискуссии явилась специальная статья, разъясняющая, что такое археология и чем она занимается [Кавказ. 1881. №214]. Пояснение, чем отличается археология от других гуманитарных наук, дает в своей статье и Н. Султанов [Султанов 1882]. Эта статья примечательна также критикой подчиненности съезда интересам империи: автор отмечает, что докладов, посвященных памятникам христианства, было сделано больше, чем докладов о восточных древностях. В историографии сообщается, что подобное разделение было проведено впервые [Смирнов 2011: 153].

Особого внимания заслуживает дискурс цивилизационной миссии империи и его критика. Хотя в статье в «Историческом вестнике» осуждается вложение больших средств в науку, в целом в ней поддерживается образ Российской империи как цивилизации. Н. Султанов, хотя и критикует излишнюю политизацию науки в вопросах изучения восточных древностей, но также выражает надежду, что съезд частично выполнил свою миссию по просвещению населения Кавказа. В этом смысле отличается журнал «Фаланга», который высмеивает не политизированность науки, а сам факт того, что проведением одного мероприятия власти империи хотят пролить свет цивилизации на Кавказ. В «Фаланге» публиковались статьи и карикатуры на съезд: на одной из зарисовок изображен граф Уваров, еще две посвящены археологическим экскурсиям. Некоторые сюжеты, изображенные на карикатурах, перекликаются с содержанием статей, опубликованных в других номерах «Фаланги». В одном тексте высмеиваются заседания съезда, в другом — археологические экскурсии. Главный герой этих статей — Бардзим Гивович Домхалидзе, грузинский помещик, приехавший на съезд, чтобы посмотреть на именитых гостей. Автор статьи в «Фаланге» с иронией описывает этого персонажа, тем самым показывая «успехи цивилизации» на Кавказе. Так, Бардзим освободил своих крестьян, но «по старой привычке» хочет подарить бывшего крепостного, знающего много сказок, В.Ф. Миллеру, узнав, что ученый их собирает [Фаланга. 1881. №37]. Представления о науке у Бардзима толком и нет, а историческое прошлое Кавказа он знает по сказкам няньки [Фаланга. 1881. №38]. В «Фаланге» также высмеивают-

ся ученые с плохими докладами, местные жители, преследующие именитых гостей, и даже сама идея научного знакомства на съезде местных и приезжих ученых. В это время в «Кавказе», издании, так же, как и «Фаланга», нацеленном на кавказскую публику, с одной стороны, формируется дискурс цивилизационной миссии империи с опорой на идею открытия Кавказа Европе [Кавказ. 1881. №207], высказываются надежды на открытие музея и университета [11], создается образ русских ученых — хранителей кавказского культурного наследия. С другой стороны, на страницах «Кавказа» публикуется и критика цивилизационной миссии — поднимается вопрос о целесообразности предоставления членства людям, не имеющим ученой степени [Кавказ. 1881. №202].

Таким образом, статьи, описывающие проведение съезда в Тифлисе, отображают не только факт проведения съезда как такового, но также и общественную рефлексию по поводу взаимоотношений науки и политики. Находясь в этих отношениях, политика и наука могут критиковаться через постановку проблем о роли, которую общество приписывает археологии. Большинство источников в той или иной степени поддерживают идею цивилизовать Кавказ, этот сюжет является важным не только для русифицируемого населения Кавказа, но и для имперского общества. И, поскольку цивилизовать Кавказ предполагается при помощи науки, это может означать, что общество осознает взаимосвязь между наукой и властью. Эта связь дает возможность авторам сообщений о Тифлисском съезде критиковать не только науку, но и политику.

[11] – Музей был открыт в первые же дни проведения съезда, однако «открытие» предполагало не создание нового музея, а лишь обновление выставки в музее, существовавшем до начала съезда [Керцева 2015]. Университет был открыт значительно позже, в 1918 г.

Список источников

1. [Исторический вестник. 1881] — Пятый археологический съезд в Тифлисе // Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 862–872.
2. [Кавказ. 1881. №189] — От распорядительной комиссии V археологического съезда // Кавказ. 1881. № 189. 27 августа.
3. [Кавказ. 1881. №198] — V археологический съезд в Тифлисе // Кавказ. 1881. № 198. 8 сентября.
4. [Кавказ. 1881. №202] — Вопросы, возбужденные в обществе V археологическим съездом // Кавказ. 1881. № 202. 13 сентября.
5. [Кавказ. 1881. №206] — По поводу передовой статьи №202 Кавказа // Кавказ. 1881. № 206. 19 сентября.
6. [Кавказ. 1881. №207] — Обед, данный городом в честь съезда // Кавказ. 1881. № 207. 20 сентября.
7. [Кавказ. 1881. №208] — К вопросу о недоумениях в среде общества по поводу V археологического съезда // Кавказ. 1881. № 208. 22 сентября.
8. [Кавказ. 1881. №214] — Что такое археология? // Кавказ. 1881. № 214. 30 сентября.
9. [Миллер 1882] — Миллер В.Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. Вып. 1. С. 17–36.
10. [Султанов 1882] — Султанов Н. Пятый археологический съезд в Тифлисе. Отчет действительного члена С.-Петербургского общества архитекторов, гражданского инженера Н. Султанова // Зодчий. 1882. Вып. 1. С. 8–12.
11. [Труды... 1887] — Труды V-го археологического съезда в Тифлисе 1881. Под ред. графини Уваровой. Москва: Типография А.И. Мамонтова и К., 1887. 411 с.
12. [Уварова 2005] — Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
13. [Фаланга. 1881. №37] — На археологическом съезде // Фаланга. 1881. № 37. С. 7–8.
14. [Фаланга. 1881. №38] — На археологической экскурсии // Фаланга. 1881. № 38. С. 6–7.

Список литературы

1. [Императорская археологическая комиссия 2009] — Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общей ред. Е.Н. Носова. СПб: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.
2. [Керцева 2015] — *Керцева Г.* О первоначальном этапе сбора археологических коллекций Кавказского музея // *History and Historians in the Context of the Time*, 2015. Vol. (14), Is. 1.
3. [Кокиева 2020] — *Кокиева А.Р.* V Всероссийский археологический съезд 1881 года в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 193–199.
4. [Колесникова и др., 2019] — *Колесникова М.Е., Ермоленко Л.П., Ашуба А.Е.* V археологический съезд и изучение кавказских древностей // *История: факты и символы*. 2019. Вып. 4 (21). С. 46–54.
5. [Лоскутова 2009] — *Лоскутова М.В.* Уездные ученые: самоорганизация научной общественности в российской провинции во второй половине XIX–первые десятилетия XX века II *Ab Imperio*. 2009. № 3. С. 119–169.
6. [Серых 2014a] — *Серых Д.В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX–начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.
7. [Серых 2014b] — *Серых Д.В.* Фотоматериалы Всероссийских Археологических Съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского Съезда) // *Поволжская археология*. 2014. Вып. 3(9). С. 41–55.
8. [Смирнов 2011] — *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX–начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.
9. [Тольц 2013] — *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период / В. Тольц; перевод с английского. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

10. [Филлипс, Йоргенсен 2008] — *Филлипс Л., Йоргенсен М.В.* Дискурс анализ: теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.
11. [Фуко 1999] — *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: AdMarginem, 1999. 480 с.
12. [Engelstein 1993] — *Engelstein L.* Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia // *The American Historical Review* 98. 1993. № 2. P. 338–353.
13. [Ex Tempore 2000] — Ex Tempore: Orientalism in Russia // *Kritika Explorations in Russian History* 1. 2000. № 4. P. 691–727.
14. [Knight 2000] — *Knight N.* Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review* 59. 2000. № 1. P. 74–100.

Александра Робертовна Кокиева
Национальный исследователь-
ский университет «Высшая школа
экономики» — Санкт-Петербург,
Департамент истории, бакалавр-
ская программа «История»
aleksandrakokieva@mail.ru

Aleksandra R. Kokieva
National Research University
Higher School of Economics
(Saint-Petersburg),
Department of History,
BA History programme
aleksandrakokieva@mail.ru

УДК
37.04-
055.2

ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ
ДЕВУШЕК В ВАРШАВСКИХ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ
ДЛЯ ЖЕНЩИН
В 1907–1918 ГОДАХ

*The Issue of Girls' Education
in Warsaw Ideological Magazines
for Women (1907–1918)*

Перевод с английского
Ильи Малафея

Автор:
Малгожата
Краковяк

Author:
Małgorzata
Krakowiak

Ключевые
слова:
педагогика,
женское
образование,
Королевство
Польское.

Key words:
pedagogy,
girls' education,
Kingdom of
Poland.

Статья была впервые опубликована журнале «Nauki o Wychowaniu. Studia Interdyscyplinarne» № 2 (11) за 2020 год. Публикация перевода согласована с редакцией.

The editorial board of the journal “Nauki o Wychowaniu. Studia Interdyscyplinarne” gave permission to translate and publish the article: M. Krakowiak, The Issue of Girls' Education in Warsaw Ideological Magazines for Women (1907–1918), «Nauki o Wychowaniu. Studia Interdyscyplinarne» 2020, nr (2) 11, P. 49 – 65. DOI <https://doi.org/10.18778/2450-4491.11.05>

Аннотация

Предмет данной статьи — освещение вопроса об образовании девушек в варшавских идеологических журналах. Для анализа были выбраны следующие печатные издания: «Ster» (1907–1914), «Przebudzenie» (1909–1912), «Ziemiańska» I и II (1908–1918; 1910–1918), и «Pracownica Polska» — «Pracownica Katolicka» (1907–1918). Издания для женщин выражали различные идеологические позиции. Они представлены в порядке от наиболее консервативных к наиболее прогрессивным.

Abstract

The aim of the article is to present the issue of girls' education in Warsaw ideological magazines. The press titles selected for analysis were “Ster” (1907–1914), “Przebudzenie” (1909–1912), “Ziemiańska” I and II (1908–1918; 1910–1918), and “Pracownica Polska” — “Pracownica Katolicka” (1907–1918). The women's publications represented various ideological positions. They are presented in order from most conservative to most progressive.

Введение [1]

В начале XX века журналы были важным средством распространения информации и формирования общественного мнения. Они являются интересным источником, позволяющим историкам образования воссоздать важные вопросы и проблемы в этой области. Динамика развития рынка прессы после 1905 года привела к повышению числа изданий и увеличению их сегментации [Kmieciak 1976: 44-56]. Наиболее популярными были социокультурные издания, среди которых — и журналы для женщин. Среди прессы для женщин, выходившей в Варшаве до 1918 года, Ежи Франке выделяет две группы: журналы и идеологические издания [Franke 1988: 5; 1999; 2000]. В настоящей статье анализируются

[1] — Публикация получила финансирование из средств программы Министерства науки и высшего образования под названием «Пути к независимой Польше» в 2018–2023 годах, номер проекта 01SPN 170020 18, сумма PLN 751222. The publication was financed under the programme of the Ministry of Science and Higher Education under the name “Paths to Independent Poland” in 2018-2023 project number 01SPN 17 0020 18 funding amount PLN 751 222.

те из них, которые, согласно автору, отличались журналистскими и программными сообщениями. Среди них «Ster», «Przebudzenie», «Ziemiańska» I и II, «Pracownica Polska» — «Pracownica Katolicka».

Вопрос об образовании девушек на заре Первой мировой войны вызывает интерес у журналистов и педагогов. Для девушек возможности обучения в образовательных учреждениях были ограничены в Польше начала XX века. Революционные движения принесли с собой изменения, такие как либерализация образования и повышение числа частных учреждений [Moszczeńska 1905; Nasz walka... 1932; Staszyński 1962]. Образование девушек также изменилось: была организована финансовая поддержка для женщин, занятых на разных программах и факультетах, а преподавание стало осуществляться как в открытой, так и в тайной формах. Молодые женщины получили больше доступа к среднему и высшему образованию [Miąso, Poznański, Kulpa 1984: 9–24; Winiarz 1992]. При анализе периодических изданий внимание было уделено многосторонним видам деятельности и процессам воспитания и образования девушек. В дополнение к вопросу об образовании были затронуты проблемы юности, социализации, инкультурации и коллективизации.

В исторических и педагогических исследованиях вопрос образования в женских журналах рассматривался на основе нескольких изданий [см. Kalinowska-Witek 2011; Dobkowska 2016]. Среди анализируемых изданий можно выделить «Ster» и «Ziemiańska» [Dormus 2000: 87–100; Domarańczyk 2016; May 2017]. В настоящий момент в историографии образования отсутствует анализ иных изданий. В этой статье они рассмотрены по отдельности для того, чтобы подробно продемонстрировать идеи, лежащие в основе их программ, и очертить то, как каждое издание освещает проблематику образования.

«Pracownica Polska» — «Pracownica Katolicka»: консервативное образование для прислуги [2]

Основной целью периодических изданий являлось формирование взглядов аудитории, при этом удовлетворение ее интересов уже не было столь важным [Maciejewski 1975: 100]. Публикации обраща-

[2] — «Pracownica Polska» (Польская Работница) был продолжением журнала «Dobra Służąca» (Хорошая Прислуга), который издавался в Люблине в 1906–1907 годах. В 1907 году он появился в Варшаве, а в 1914 году сменил имя на «Pracownica Katolicka» (Католическая Работница) [Bibliografia historii... 2000: 368].

лись к добродетели и ценностям христианской этики, тем самым укрепляя консервативные представления о роли и задачах девушек. Рассказы о женщинах, смирившихся со своей судьбой и принявших свои семейные и профессиональные обязанности, играли важную роль. Несмотря на множество тематических рубрик, вопрос об образовании девушек редко рассматривался в периодических изданиях: эта тема, как правило, служила дополнением к другим темам или второстепенным мотивом в художественных текстах [М. К. 1910a: 5; 1910b: 5–8; 1910c: 3; Kaczkowska 1911: 2].

Журнал был частью Ассоциации прислуги (Stowarzyszenie Służących). Он включал в себя отчеты о деятельности женских организаций, показывая в то же время их работу по обучению девушек. Интересным примером была деятельность Ассоциации католических слуг (Stowarzyszenie Sług Katolickich), которая проводила беседы на темы религии и морали, образования и работы [Bilans... 1913: 38]. Однако детальной информации о частоте проведения встреч или поднятых вопросах представлено не было. Келецкая ассоциация католической прислуги имени Св. Зиты (Kieleckie Stowarzyszenie Katolickich Służących św. Zyty), задачи которой включали в себя бесплатное обучение неграмотных студентов, проводила кулинарную школу и курсы глажки [Stowarzyszenie... 1910: 10–12]. В заметках были упомянуты образовательные учреждения для женщин. Так, например, была перепечатана корреспонденция из «Zorza» с отчетом о деятельности школы в селе Пщелина. Так же были опубликованы и отчеты «Gazeta Świąteczna» об открытии классной комнаты, основанной Католическим объединением в Мацеёвице (Związek Katolicki w Maciejowicach). Будущие домохозяйки могли приобрести навыки ткачества, кройки, кулинарии и гигиены [L. K. D. 1909: 12]. Главной целью таких коротких заметок было лишь распространение информации о работе этих учреждений.

Статьи об образовании и социализации девушек в «Pracownica Polska» фокусировались на роли матери и жены. Цель образовательных публикаций состояла в формировании конкретных представлений об этом. Многочисленные статьи были посвящены задачам будущих матерей. Молодых читательниц убеждали: «Замужество — это основа семьи, где должны воспитываться дети, которые сами станут родителями, будущим нации и поддержкой беспокойной родины» [Luźne uwagi... 1915: 220; Rady dla... 1913: 172]. Однако выполнению родительских и брачных обязательств могли помешать опасности, угрожавшие читательницам. Особенно существенными были те, которые вызывали тревогу в обществе, а именно: торгов-

ля девушками и проституция [Strzeżmy się 1913: 266; O moralności 1913: 52].

Морализаторский тон статей предостерегал от этих опасностей, был нацелен на нравственное воспитание девушек и навязывал воздержание. Поддерживалась лишь одна точка зрения, а собственные размышления молодых читательниц не поощрялись. Можно даже утверждать, что их личный выбор ограничивался. Патерналистский тон заметок ясно обрисовывал их жизненные пути в попытке направить девушек и повлиять на их действия.

Несмотря на то, что в девизе журнала подчеркивалась важность образования, ему уделялось мало внимания. Например, в двух номерах декларируется: «Позаботьтесь об образовании, ведь оно развивает вас» и «Готовьтесь учиться! Образование, построенное на религии, — это основа лучшего будущего» [Pracownica Polska 1913a: 50, 1913b: 317]. Процитированные лозунги свидетельствуют о том, что образование считалось важным, однако на деле в этих номерах журнала ему уделялось мало внимания. Одним из редких проявлений внимания к вопросам образования была популяризация общих знаний. Большинство выпусков содержало советы [см. Z higieny... 1912: 13; Dział Rady... 1912: 10; Pogadanka... 1914: 56–58; Z Nauki... 1913: 61]. Рассматривались вопросы научных экспериментов и открытий, практические советы и принципы гигиены. В журнале поощряли чтение и демонстрировали его пользу. Подчеркивалась ценность умения читать и необходимость освоения этого навыка. Газеты и книги, пагубно влияющие на читателя, описывались как «худшие враги». Чтобы повлиять на выбор достойной литературы, в журнале публиковали списки издателей и руководства для читателей.

«Ziemiańki»: консервативные журналы, посвященные образованию, процветанию и социальному развитию [3]

Под этим названием выходили два периодических издания, последовательно представляющих прагматичное католическое мировоззрение [Franke 2000: 29]. Статьи о домашнем обучении зани-

[3] — «Ziemiańka» была органом Объединенной ассоциации помещиц (Zjednoczone Koło Ziemiańek), редактором издания была Мария Родзевич. В этой статье используется разделение на «Ziemiańka» I и «Ziemiańka» II. Первым из них был внутренний бюллетень ассоциации, он выходил нерегулярно и издавался в 1908–1919 годах. Другой выходил раз в две недели для сельских женщин и издавался в 1910–1921 годах [Bibliografia historii... 2000: 552].

мали в этих журналах значительное место. Молодым полькам прививалось уважительное отношение к вере и труду, жертвенность, смирение судьбе. Будущее девушек описывалось так: «...пусть она немного почитает, и пусть работает на ферме — этого ей будет достаточно» [Roguska 1918: 135]. Практическим навыкам уделялось больше внимания, чем умственному развитию. Воспитание в девушках чуткости к потребностям окружающей среды и бережливости в ведении сельского хозяйства считались приоритетными.

Оба издания «Ziemiańska» формировали мировоззрение молодых польских женщин, приписывая им определенные черты и поведение. Одним из созданных идеалов был образ «хорошей дочери» [Sędzina 1912: 242]. В ее обязанности входило «помогать родителям по мере сил», а также присматривать за ними в случае болезни и быть готовой к жертвам [Sędzina 1912: 242–243]. Неполное выполнение этих заветов считалось тяжким грехом и достойным осуждения примером для последующих поколений. Показателем хороших манер были вежливость и уважение в общении с окружающими [Życzliwy 1912: 53–56; Jakie znaczenie... 1918: 74]. Ссылаясь на примеры из Англии, Германии, США и Австралии, авторы подчеркивали важность воспитания девочек [Po świecie... 1911: 1; Szkoły gospodarskie... 1912: 10]. Эти примеры сравнивались с ситуацией в Королевстве Польском, причем внимание заострялось на недостатках. Подготовка к исполнению ролей «разумной матери» и жены считалось особенно важным, также как и формирование осознанности девушек в выборе подходящего мужа и необходимости защиты материнства [Po świecie... 1911: 1]. С сожалением отмечалось, что молодые польские женщины не проявляют достаточно ответственности в этих вопросах.

Проблемы обучения в образовательных учреждениях гораздо чаще освещались в «Ziemiańska» I. В отчетной части журнала упоминались заседания педагогического отдела Объединенной ассоциации помещиц (Zjednoczone Koło Ziemiańek), на которых обсуждались вопросы организации школ, состояния образования, основ учебной программы и их модернизации [Posiedzenie... 1912: 1–4; Posiedzenie... 1913: 1–7; Zawadzki 1914: 1–7; Wisznicki 1912: 1–4]. Интересными примерами являются статьи Флориана Знанецкого об образовательных идеалах и Лучьяна Заржецкого об образовательных промахах [Sprawozdanie... 1912: 21–24; Znaniecki 1913: 1–7]. Представляется, что эти соображения носили лишь умозрительный характер, поскольку в сельской местности по-прежнему преобладало стереотипное представление о задачах и роли деву-

шек, а в большинстве статей доминировал образ «женщины-домохозяйки». Одна ученица рассказала о положении школ для девушек. В письме она писала: «У нас есть школы, где дочерей с ферм воспитывают как примерных домохозяек» [Potoczkówna 1911: 12]. Деятельность образованных девушек рассматривалась как возможность модернизировать село. Тем не менее, подчеркивалось, что старшие поколения не достаточно понимают и одобряют «новые» навыки и знания. Более того, юным хозяйкам приходилось сталкиваться с убеждением, что «женщинам не нужно образование» [Potoczkówna 1911: 12].

В «Ziemiańska» образовательные перспективы молодых девушек были сосредоточены на практических профессиях: педагогике и акушерстве [Co słyhać...1912: 187; Szkoła...1911: 14]. Подчеркивалось, что у женщин из «просвещенных классов» традиционно практически не было иного выбора, не унизившего бы их достоинства, кроме как стать гувернанткой-учительницей. Читателям также предлагались курсы домашнего хозяйства [Holder-Eggerowa 1917: 155–157; Sprawozdanie...1914: 57], выездные кулинарные курсы [М. Н 1912: 357; Kalinowska 1917: 126–128] и обучение в описанных учебных заведениях и ассоциациях [Mirosławice 1914: 8; Co słyhać. Nowa placówka...1917: 116–117; Co słyhać. Ruch oświatowy 1917: 138; Kalinowska 1913: 353–356]. Среди многочисленных отчетов и заметок с пройденных курсов, которые, по мнению журналистов, всегда были очень популярны, упоминались темы, связанные с социальными, семейными и профессиональными обязанностями помещиц [Karczewska 1911a: 9–10].

Редакция поощряла самообучение с помощью чтения справочников [Co słyhać 1912: 61]. Они имели практический характер и касались таких тем, как шитье, стирка, глажка, ткачество [Weychert 1912: 13], птицеводство [Karczewska 1911a: 9–10], молочное животноводство [Iwanicka, 1911: 9] и правила гигиены [М. S 1911: 3-4]. Также публиковались списки изданий, пользовавшихся популярностью у читателей из сельской местности [Karczewska 1913: 321–325].

Экономическое положение Царства Польского вынуждало девушек уезжать из дома в поисках оплачиваемой работы. Эти поездки рассматривались как опасность для молодых женщин и существенная социальная проблема. Особенно опасались за девушек 16–18 лет, которым угрожала проституция и нежелательная беременность, из-за риска оказаться под воздействием дурного влияния [Ochrona naszych ... 1911: 2–4]. В заметках о развратном поведении обозначалась эта проблема и представлялись риски, связанные

с поездкой. В то же время в текстах о нравственном воспитании подчеркивалось, что половые отношения желательно выстраивать в рамках ближайшего окружения [Podgórska 1914a: 186–187; Podgórska 1914b: 203–204]. Можно сделать вывод, что способы подачи этой темы были проявлением «моральной паники».

«Przebudzenie»: прагматический подход к социальной работе и распространению образования [4]

Это еще одно периодическое издание, которое обращается к христианским традициям и этике. Его читатели принадлежали к консервативным католическим кругам [Franke 1999]. Издание Казимиры Процкуна выходило раз в две недели. В нем обсуждались проблемы учреждений высшего и среднего образования, а также домашнего образования.

В журнале упоминались роли женщин — матери и участницы общины, воспринимавшиеся как нравственная основа общества. Журнал задавал вопрос: «Как воспитать в них [девочках — прим. М.К.] рациональных и благородных женщин и сделать из них смелых социальных работников и матерей?» [Szpyrkówna 1909: 6–7]. Утверждалось, что не только учителя и родители оказывают влияние на девочек, но и окружение: книги, изображения и разговоры взрослых.

Часто поднимались вопросы, связанные с образованием. В статьях и комментариях описывались возможности получения образования среднего, профессионального и академического уровня. Эти сообщения были направлены на то, чтобы информировать читателей и формировать их мнение. Редакторы чаще всего упоминали пути развития, ориентированные на получение практических навыков. Среди прочего журнал предоставлял информацию о деятельности института домоводства Цецилии Платер-Зиберкуны в Хилицках и школы по уходу за детьми в Венгруве [Kosmowska 1909: 4–5]. В этих учреждениях обучали практическим навыкам и утверждали, что готовят девочек стать «хорошими матерями будущих семей» [Kronika... 1909: 12]. Подчеркивалось, что задача школ — обучать женщин педагогике, благим убеждениям и сделать их пер-

[4] — «Przebudzenie» выходил в Варшаве в 1909–1913 годах. Казимира Процкуна была редактором и издателем. В 1913 журнал был переименован в «Głos Narodu» [Bibliografia historii... 2000: 376].

вопроходцами «христианской цивилизации», знающими основы сельского хозяйства и социальной работы [Kosmowska 1909: 4–5]. Поддерживались также школы практических навыков для девочек, а школы, принадлежащие религиозным орденам, считались особенно ценными [Pelczar 1909: 5–6]. Представители Объединенной ассоциации помещиц (Zjednoczone Koło Ziemianek), говоря об образовании девочек, указывали, что средние школы недостаточно практико-ориентированы и не обеспечивают необходимой подготовки к жизни, к выполнению обязанностей учительницы, «гражданки страны» и «наставницы собственных детей» [Kosmowska 1909: 4–5]. Можно сделать вывод, что идеальной женщиной считалась та, которая своей работой будет «повышать благосостояние семьи и страны», а также будет заниматься благотворительностью и избавится от мелочного эгоизма [Kosmowska 1909: 4–5].

Обозреватели, поднимающие тему образования девушек, охотно рассказывали о своем видении будущего молодых польских женщин. Они выражали идеалы журнала и обращались к традиции, уважению в семье, религиозным ценностям. Правильным считалось вернуться в родной дом в деревне, чтобы поддержать родителей и поделиться полученными знаниями с другими. Девушек уговаривали приобрести практические навыки, указывая на новые возможности: «На ферме есть очень полезные занятия для женщин, а именно: разведение птиц, свиней, производство молочных продуктов», а также садоводство [Romualda 1909: 5–6]. Предлагалось расширять знания и интересы крестьян посредством их участия в культурной жизни, в том числе через посещение музеев, участие в концертах, лекциях, театральных постановках, беседах и встречах в читальных залах.

Познавательными были статьи и заметки об академическом образовании девушек. Так, был описан Первый съезд польской молодежи, на котором среди прочего обсуждался вопрос доступности университета в Галиции для молодых польских женщин. Подчеркивалась деятельность Союза польских студенток во Львове (Polskie Zjednoczenie Studentek we Lwowie) по повышению академической свободы своих соотечественниц [M. Ł. 1909b: 5–6]. Читателям говорили: «Стремление [учиться — прим. М.К.] не должно подавляться, но вы должны сами управлять им», — и поощряли людей посещать высшие курсы [X. 1909: 8–9]. Фактически, им было предложено записаться на курсы в Варшавском отделении Католического союза польских женщин (placówka Katolickiego Związku Kobiet Polskich w Warszawie) [Przypisek ... 1909: 2]. Сообщалось подробно о женщи-

нах, которые обучались в Германии, подчеркивался их упорный труд в области науки, благодаря которому они достигли высокого положения в обществе. С другой стороны, каких-либо значительных достижений польских женщин в этой области не отмечалось, авторы ссылались только на зарубежные примеры: «Разве это явление не достойно зависти?» [X. 1909: 8–9]. Примечательно, что не упоминались ни польские студентки европейских университетов, ни польские женщины-ученые, строившие международную научную карьеру [Hulewicz 1939: 226–230; Kolbuszewska 2017: 49].

«Przebudzenie» часто описывал угрозы заграничных путешествий. Опасения касались женских социальных ролей, заявленных в публикации. Одна из помещиц писала:

«Эти высшие курсы <...> кружат головы молодых девушек. Я знаю некоторых, кто закончил совместное обучение, покинул родительский дом и даже заявляет, что получил образования не для того, чтобы вступить в брак. А как они устроили свою жизнь — без сожаления и стыда вспоминать трудно» [Terpiłowska 1909: 1].

Академические поездки описывались в пессимистическом тоне: «...большинство людей возвращаются с учебы за границей расстроенными, озлобленными, сломленными и разочарованными» [X. 1909: 8–9]. Разочарование в учебе было связано с плохим знанием языка, на котором велось обучение, слишком юным возрастом и отсутствием научной подготовки, а также четкого плана и цели. Предлагалось ввести правила, регулирующие поездки девушек, одним из которых был отбор особо талантливых кандидаток старше 21 года. Также отмечалось, что следует попробовать разные варианты обучения и только потом принимать решение уехать за границу [X. 1909: 8–9]. Негативное описание академических поездок было попыткой отговорить девушек от путешествий, а также выражением опасения пишущих потерять женщин, которые захотели бы остаться за границей и сделать там карьеру.

Помимо опасений по поводу поездок упоминался также нарастающий уровень «морального разложения» — прогрессирующего вырождения молодого поколения. Предлагалось уделять особое внимание воспитанию юных девушек [L. G. 1910: 1–3]. Ожидалось, что матери будут повышать осведомленность своих дочерей о сексуальных проблемах. Подчеркивалась моральная, религиозная и поведенческая деградация девушек, вызванная чтением порногра-

фических материалов [Szpyrkówna 1909: 10]. Также упоминались другие социальные угрозы, такие как торговля людьми и сексуальная эксплуатация девочек в возрасте 12–15 лет [M. Ł. 1909a: 4–5]. Статьи были попыткой привлечь внимание читательниц к наиболее важным проблемам, с которыми сталкивалось молодое поколение польских женщин в начале XX века.

«Ster»: прогрессивное издание, нацеленное на расширение прав и возможностей женщин [5]

Журнал был адресован женщинам с высшим образованием: работающим, студенткам, сторонницам полной эмансипации [Franke 1988: 28]. Он, как и предыдущие издания, описывает домашнее, среднее и академическое образование. Поднимались вопросы образования девушек всех социальных групп.

«Ster» интересовался тем, «...как избавиться от старой, поверхностной и нелепой модели женского образования и заменить ее новой, в соответствии с потребностями времени и с судьбой женщины в семье и обществе» [Neumark 1912: 2]. Статьи призывали читательниц задуматься о собственном образовательном и профессиональном будущем. Девушкам предлагалось спросить себя: «Какую роль я буду играть лучше всего, не как пассивная наблюдательница, а как активная участница лучшего будущего для моей нации?» [Budzińska-Tylicka 1913: 70]. Эти статьи соответствовали восприятию молодого поколения в начале XX века. Они обращались к молодым людям как к будущему нации, как к тем, кто должен быть вовлечен в общественные дела [Kuczalska - Reinschmit 1913: 69–70; Rachucka 1911a: 346]. В обращениях к читателям предлагалось уйти от воспитания слабости в женщинах [Ochotniczka... 1908: 15]. Важным считалось, чтобы они осознавали свои собственные ценности, занимались общественной и профессиональной работой, развивали свои собственные взгляды и расширяли свой кругозор, а также были осведомленными как граждане. Подчеркивались возможности развития и образования для горожанок, помещиц и крестьянок. Это было частью позитивистского видения женщины, активной в общественной жизни [Szwarc 1997: 299–300]. В то же время

[5] — «Ster» издавался в Варшаве в 1907–1914 годах и был органом Ассоциации за равенство польских женщин (Związek Równoprawnienia Kobiet Polskich). Редакторами журнала по очереди были Паулина Кучальска-Райншмит и Юзефа Бояновска [Bibliografia historii ... 2000: 454].

отмечалось, что поведение, «выходящее за рамки» общепринятых стереотипов, требует преодоления моральных барьеров и часто подвергается социальному ostracismu. Вопреки общепринятым убеждениям указывалось, что жизнь женщин не должна быть сосредоточена исключительно на семье. В многочисленных статьях подчеркивалась недостаточная осведомленность общественности в вопросах об образовании девушек, по причине чего основное внимание уделялось домашнему обучению. Упоминались убеждения родителей и учителей, не замечавших необходимости равных образовательных возможностей для обоих полов. Критике подверглись модели, в которых женщина изображалась в основном как мать, домработница, жена и хранительница домашнего очага.

В статьях, заметках и отчетах о собраниях были описаны вопросы, связанные с получением образования в учебных заведениях для девушек. Подчеркивалась необходимость реформирования школьной системы из-за высокого уровня неграмотности среди женщин [P. K. R. 1911: 98–99]. Отмечалась также дискриминация девочек в доступе к образовательным возможностям. Рекомендовалась модернизация курсов и школ, внедрение новых программ и системы совместного обучения в учебных заведениях [Kursy naukowe... 1908: 318–320; Rolnicza uczelnia... 1911: 301–302; L. 1907: 72; см. также Dormus 2004: 63–64; 72–75]. Предлагалось реализовать ряд юридических, политических и экономических изменений, а также реформировать систему физического воспитания [Budzińska-Tylicka 1910: 10–12].

Академическое образование девушек было часто обсуждаемой проблемой на протяжении всего периода существования «Ster». Эти публикации совпали с интенсивными изменениями, повысившими доступность высшего образования для женщин в Царстве Польском [Bołdyrew 2018: 95–129; Kondracka 2000: 271–284; Perkowska 1994]. Несмотря на многочисленные изменения, жители Королевства Польского столкнулись с экономическими и культурными ограничениями в доступе к высшему образованию. Из-за социально-политической ситуации тексты касались зарубежных учреждений. В статьях и кратких заметках была представлена информация о доступных факультетах, формальных требованиях, стипендиях и студенческих сообществах [см., среди прочего: Rygiéówna 1908: 21–23; Pachucka 1909: 86–89; R. P. 1910: 243–246; Ciesielska 1910: 291–292; Kijewski 1910: 67–68; Pachucka 1911b: 399–402; Weychert-Szymanowska 1913: 2–3]. Среди описанных образовательных возможностей были опубликованы предложения по организации высшего

образования для девушек в русской части [Польши — прим. И.М.].

Тема крестьянского образования также обсуждалась в «Ster». Статьи и заметки были информативными. Читательниц знакомили со школами домоводства. Конкретные учреждения продвигались путем размещения отчетов и описания их деятельности [см. Wojanowska 1910: 97–100; Przemówienie... 1910: 103]. Презентации студенческих работ и достижений также использовались для обсуждения учебной программы, предлагаемых курсов и правил приема [В. 1912: 4–5]. Упоминались школы, в которых успешно обучались крестьянки, например, учреждение в Крушинеке. То, что сельским девушкам предоставлялась возможность получить образование, рассматривалось как шанс поднять экономический уровень хозяйств. По мнению обозревателей, интерес девушек к образованию в учебных заведениях оставался слабым, что непосредственно связано с низким экономическим и интеллектуальным развитием сельских жителей [Biniekówna 1911: 31]. Подобные сообщения были представлены в описании образования для помещиц. Публиковалась и информация о возможностях развития для дочерей «мелких землевладельцев, арендаторов, чиновников, провинциальных врачей, юристов, чиновников» [Grudzińska 1909: 230]. Упор делался на практические навыки, которые были бы полезными для общества [Karczewska 1911b: 402–405]. Читательниц убеждали заняться акушерством, уходом за больными и присмотром за детьми или пройти курсы по ведению домашнего хозяйства.

Переписка и тексты, присланные читателями, также печатались в «Ster». Интересный пример представляет публикация сообщений от дюжины девушек с одного из женских митингов [L. 1907: 73–75]. Они указывали на глубокое несоответствие системы образования социальным потребностям, что, по их мнению, ограничивает возможности развития. Выявление этих различий могло побудить юных читательниц задуматься о своих профессиональных и образовательных планах [Kim... 1913: 71–72]. Как и в других проанализированных изданиях, угрозы молодому поколению неоднократно описывались в «Ster». Наиболее серьезными из них были проблемы со здоровьем и девиантное поведение [Związek... 1908: 245; Konfeldblum 1910: 370–381, Reczyńska 1908: 160–172].

Заключение

В завершение вышесказанного можно утверждать, что в зависимости от идеологии журнала вопросы об образовании девушек были представлены по-разному. Каждый из журналов транслировал свой образ молодой женщины. В консервативных изданиях она ассоциировалась с ролью матери и домохозяйки, в то время как прогрессивные ссылались на этос образованной гражданки.

В консервативных журналах читательниц часто уговаривали выбрать один из обозначенных путей, предписанных «сверху». Сама суть этих изданий исключала новые решения и возможности развития для женщин. Целью этих публикаций было формирование взглядов, развитие этичной и дисциплинированной модели подростка, который принимает мировоззрение, определенное журналом.

В более прогрессивных журналах предлагались различные образовательные сценарии. Подчеркивались возможности развития, стимулировались и даже поощрялись размышления. Были замечены ресурсы социальной силы молодежи, а также субъективное обращение с девочками и мальчиками. Журналисты видели в молодом поколении возможность модернизации и восстановления страны, потому они считали важным образование девушек и развитие их потенциала.

Список литературы

1. [B. 1912] – B. Z powodu pokazów robót w szkołach gospodarczych // Ster. 1912. №19. P. 4–5.
2. [Bibliografia historii... 2000] – Bibliografia historii Polski XIX i XX w., 1865–1918. vol. 3. / eds. S. Sokołowska, I. Ossowska; Wydawnictwo DiG. Warsz. 2000.
3. [Bilans... 1913] – Bilans Stowarzyszenia Sług Katolickich // Pracownica Polska. 1913. P. 38–39.
4. [Biniekówna 1911] – *Biniekówna M.* Czy kształcić włościanki? // Ster. 1911. №1. P. 31–33.
5. [Bojanowska 1910] – *Bojanowska J.* Walka o ducha kobiety // Ster. 1910. №3. P. 97–100.
6. [Bołdyrew 2018] – *Bołdyrew A.* Merited, (Un)Appreciated, (Un) Remembered: Women in Educational and Social Policy Sciences as a Scholarly Discipline in Poland, 1900–39. // *Acta Poloniae Historica*. 2018. №117. P. 95–129.
7. [Budzińska-Tylicka 1910] – *Budzińska-Tylicka J.* O konieczności reformowania fizycznego wychowania dziewcząt. // Ster. 1910. №1. P. 10–12.
8. [Budzińska-Tylicka 1913] – *Budzińska-Tylicka J.* Umiłowanie zawodu // Ster. 1913. №11–12. P. 70–71.
9. [Ciesielska 1910] – *Ciesielska St.* Konferencja studentek // Ster. 1910. №7–8. P. 291–292.
10. [Co słyhać 1912] – Co słyhać // *Ziemiańska I.* 1912. January. P. 58–61.
11. [Co słyhać. Nowa placówka... 1917] – Co słyhać. Nowa placówka oświatowa. Nowe szkoły // *Ziemiańska II.* 1917. №7–8. P. 116–121.
12. [Co słyhać. Ruch oświatowy 1917] – Co słyhać. Ruch oświatowy. // *Ziemiańska II.* 1917. №9. P. 138–140.
13. [Co słyhać... 1912] – Co słyhać. Szkoła czyli seminarium dla nauczycielek ludowych. // *Ziemiańska II.* 1912. №12. P. 184–188.
14. [Dobkowska 2016] – *Dobkowska J.* Poglądy w kwestii potrzeby oraz zakresu edukacji kobiet panujące w drugiej połowie XIX i na przełomie XIX i XX wieku // *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica*. 2016. №96. P. 89–107.
15. [Domarańczyk 2016] – *Domarańczyk D. A.* Od emancypacji do feminizmu: “Ster” jako postępowe pismo kobiece przełomu XIX i XX wieku. Łódź: Wydawnictwo Primum Verbum, 2016.

- 16.[Dormus 2000] – *Dormus K.* Warszawski “Ster” (1907–1914) i jego program wychowawczy // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2000. №40. P. 87–110.
- 17.[Dormus 2004] – *Dormus K.* Koedukacja – teoria i praktyka na ziemiach polskich na początku XX wieku // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 2004. №43. P. 53–92.
- 18.[Dział Rady...1912] – Dział Rady Praktyczne: Szycie dawniej i dziś // *Pracownica Polska*. 1912. №4. P. 11–12.
- 19.[Franke 1988] – Franke J. Problemy polityki literackiej warszawskich czasopism kobiecych w latach 1905–1918 // *Kwartalnik Historii Prasy Polskiej*. 1988. №27/2. P. 5–33.
- 20.[Franke 1999] – *Franke J.* Polska prasa kobieca w latach 1820–1918: w kręgu ofiary i poświęcenia. Warsz.: Wydawnictwo SBP. 1999.
- 21.[Franke 2000] – *Franke J.* Wokół buntu i pokory: warszawskie czasopisma kobiece w latach 1905–1918. Warsz.: Instytut Informacji Naukowej i Studiów Bibliologicznych Uniwersytetu Warszawskiego. 2000.
- 22.[Grudzińska 1909] – *Grudzińska A.* Niewyzyskane placówki. // *Ster*. 1909. №6. P. 190–233.
- 23.[Holder-Eggerowa 1917] – *Holder-Eggerowa M.* Poświęcenie seminarium dla nauczycielek ludowych // *Ziemiańska II*. 1917. №11. P. 155–157.
- 24.[Hulewicz 1939] – *Hulewicz J.* Sprawa wyższego wykształcenia kobiet w Polsce w XIX wieku. Kraków: Polska Akademia Umiejętności. 1939.
- 25.[Iwanicka 1911] – *Iwanicka W.* Skrzynka do listów // *Ziemiańska II*. 1911. №5. P. 8–9.
- 26.[Jakie znaczenie... 1918] – Jakie znaczenie dla kraju ma dobre wychowanie // *Ziemiańska II*. 1918. №4. P. 74–75.
- 27.[Kaczkowska 1911] – Kaczkowska M. Trzy siostry. // *Pracownica Polska*. 1911. №11. P. 2–5.
- 28.[Kalinowska 1917] – *Kalinowska St.* O kursach wędrownych 6-cio tygodniowych gotowani i gospodarstwa domowego // *Ziemiańska II*. 1917. №7–8. P. 126–128.
- 29.[Kalinowska 1913] – *Kalinowska St.* Sprawozdanie z wędrownych kursów gotowania i gospodarstwa domowego // *Ziemiańska II*. 1913. №23. P. 353–356.
- 30.[Kalinowska-Witek 2011] – *Kalinowska-Witek B.* W rodzinie i dla rodziny... Edukacja dziewcząt na przełomie XIX i XX wieku w wybranych czasopismach Królestwa Polskiego. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 2011.

- 31.[Karczewska 1911a] – *Karczewska M.* Co słycać // Ziemiańska II. 1911. №1. P. 9–10.
- 32.[Karczewska 1911b] – *Karczewska M.* Na swój sposób // Ster. 1911. №11. P.402–405.
- 33.[Karczewska 1913] – *Karczewska M.* Co czytać i jak czytać // Ziemiańska II. 1913. №21. P. 321–325.
- 34.[Kijewski 1910] – *Kijewski S.* W sprawie wyższych studiów kobiet // Ster. 1910. №2. P. 67–68.
- 35.[Kim... 1913] – Kim będę? // Ster. 1913. №11–12. P. 71–72.
- 36.[Kmiećik 1976] – *Kmiećik Z.* Prasa polska w Królestwie Polskim i Imperium Rosyjskim w latach 1865–1905 // Prasa polska w latach 1864–1918 / Eds. T. Cieślak, A. Garlicka, W. Jakóbczyk, Z. Kmiećik, J. Myśliński, A. Notkowski, A. Paczkowski. Warsz.: PWN. 1976. P. 11–57.
- 37.[Kolbuszewska 2017] – *Kolbuszewska J.* Polki na uniwersytetach – trudne początki // Sensus Historiae. 2017. №1. P. 35–53.
- 38.[Kondracka 2000] – *Kondracka M.* Kobiety na Uniwersytetach // Równe prawa i nierówne szanse. Kobiety w Polsce międzywojennej/ Eds. A. Żarnowska, A. Szwarc. Warsz.: Wydawnictwo DiG. 2000. P. 271–284.
- 39.[Kon-Feldblum 1910] – *Kon-Feldblum H.* O wychowaniu dziewcząt. // Ster. 1910. №11–12. P. 370–381.
- 40.[Kosmowska 1909] – *Kosmowska D-rowa.* Zjednoczone Koło Ziemiańek // Przebudzenie. 1909. №12. P. 4–5.
- 41.[Kronika...1909] – Kronika chwili bieżącej // Przebudzenie. 1909. №6. P. 12.
- 42.[Kuczalska-Reinschmit 1913] – *Kuczalska-Reinschmit P.* Co robić po skończeniu pensji? // Ster. 1913. №11–12. P. 69–70.
- 43.[Kursy naukowe...1908] – Kursy naukowe i fachowe dostępne kobietom //Ster. 1908. №7–8. P. 318–320.
- 44.[L. 1907] – L. Nasze wiece // Ster. 1907. №1–2. P. 66–78.
- 45.[L. K. D. 1909] – L. K. D. Wiadomości z kraju i ze świat // Pracownica Polska. №8. P. 12–14.
- 46.[L. G.1910] – L. G. Kobieta w społeczeństwie // Przebudzenie. 1910. №1. P. 1–3.
- 47.[Luźne uwagi... 1915] – Luźne uwagi: Czem jest dla kobiety małżeństwo? // Pracownica Katolicka. 1915. №14. P. 220.
- 48.[M. H. 1912] – M. H. Wędrownie kursy gotowania i gospodarstwa domowego w Korytnicy // Ziemiańska II. №3. P. 356–358.
- 49.[M. K. 1910a] – M. K. Maryanna // Pracownica Polska. 1910. №1. P. 5–7.

- 50.[M. K. 1910b] — M. K. Maryanna // *Pracownica Polska*. 1910. №2. P. 5–8.
- 51.[M. K. 1910c] — M. K. Maryanna // *Pracownica Polska*. 1910. №3. P. 3–7.
- 52.[M. Ł. 1909a] — M. Ł. Handel żywym towarem. // *Przebudzenie*. 1909. №14. P. 4–5.
- 53.[M. Ł.1909b] — M. Ł. Sprawa abiturientek w wyższych zakładach naukowych w Austrii // *Przebudzenie*. 1909. №23. P. 5–6.
- 54.[M. S. 1911] — M. S. Do dziewcząt wiejskich // *Ziemiańska II*. 1911. №5. P. 3–4.
- 55.[Maciejewski 1975] — *Maciejewski J.* Obszary trzeciej literatury // *Teksty*. 1975. №4. P. 89–107.
- 56.[Maj 2017] — Maj E “*Ziemiańska*” — organ prasowy Zjednoczonego Koła Ziemiarek 1908–1919 // *Polityka i politycy w prasie XX i XXI wieku. Prasa organizacji politycznych / Eds. M. Dajnowicz, A. Miodowski.* Białystok: Wydawnictwo HUMANICA. 2017. P. 15–29.
- 57.[Miąso, Poznański, Kulpa. 1984] — *Miąso J., Poznański K., Kulpa J.* Oświata na ziemiach polskich u progu niepodległości // *Historia Wychowania: wiek XX / Ed. J. Miąso.* Warsz.: PWN. P. 9–24.
- 58.[Miroślawice 1914] — Miroślawice // *Ziemiańska II*. 1914. №1. P. 8–10.
- 59.[Moszczeńska 1905] — *Moszczeńska I.* Nasza szkoła w Królestwie Polskim: uwagi na czasie. Lwów: Księgarnia Narodowa. 1905.
- 60.[*Nasza walka...* 1932] — *Nasza walka o szkołę polską 1901–1917. Opracowania, wspomnienia, dokumenty / Ed. B. Nawroczyński.* Warsz.: Książnica–Atlas.
- 61.[Neumark 1912] — *Neumark J.* Wychowanie kobiet // *Ster*. 1912. №17. P. 2–3.
- 62.[*O moralności* 1913] — *O moralności* // *Pracownica Polska*. 1913. №4. P. 51–52.
- 63.[*Ochotniczka...* 1908] — *Ochotniczka z prowincji. Wezwanie* // *Ster*. 1908. №1. P. 14–16.
- 64.[*Ochrona naszych...* 1911] — *Ochrona naszych kobiet i dziewcząt pracujących na obczyźnie* // *Ziemiańska II*. 1911. №4. P. 2–4.
- 65.[P. K. R. 1911] — P. K. R. O równe prawa do pomocy społecznej // *Ster*. №3. P. 98–100.
- 66.[Pachucka 1909] — *Pachucka R.* Sprawy studentek. Towarzystwo im. Elizy Orzeszkowej. *Ster*. 1909. №2–3. P. 86–89.
- 67.[Pachucka 1911a] — *Pachucka R.* Tragizm dusz dziewczęcych. *Ster*. 1911. №10. P. 342–347.
- 68.[Pachucka 1911b] — *Pachucka R.* Stypendia dla studentek. *Ster*.

1911. №11. P. 399–402.
- 69.[Pelczar 1909] – *Pelczar J. S.* Wskazówki dla Dzieci Maryi i dla Pań Ziemiarek co mają robić, szczególnie po wsiach // *Przebudzenie*. 1909. № 10. P. 5–6.
- 70.[Perkowska 1944] – *Perkowska U.* Studentki Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1894–1939. W stulecie immatrykulacji pierwszych studentek. Kraków: Wydawnictwo i Drukarnia “Secesja”.
- 71.[Po świecie... 1911] – Po świecie – a u nas // *Ziemiańska II*. 1911. №3. P. 1–4.
- 72.[Podgórska 1914a] – *Podgórska Z.* O wychowaniu moralnym // *Ziemiańska II*. 1914. №12. P. 186–187.
- 73.[Podgórska 1914b] – *Podgórska Z.* O wychowaniu moralnym // *Ziemiańska II*. 1914. №13–14. P. 203–204.
- 74.[Pogadanka... 1914] – Pogadanka naukowa: powietrze // *Pracownica Katolicka*. 1914. № 4. P. 56–58.
- 75.[Posiedzenie... 1912] – Posiedzenie Wydziału Pedagogicznego // *Ziemiańska I*. 1912. Luty. P. 1–4.
- 76.[Posiedzenie... 1913] – Posiedzenie Wydziału Pedagogicznego // *Ziemiańska I*. 1913. Luty. P. 1–15.
- 77.[Potoczkówna 1911 – Potoczkówna K.] Skrzynka do listów // *Ziemiańska II*. 1911. №3. P. 11–12.
- 78.[Pracownica Polska 1913a] – *Pracownica Polska*. 1913. №4. P. 50.
- 79.[Pracownica Polska 1913b] – *Pracownica Polska*. 1913. №20. P. 317.
- 80.[Przemówienie... 1910] – Przemówienie P. Marii Biniekówny // *Ster*. 1910. №3. P. 102–104.
- 81.[Przypisek... 1909] – Przypisek Redakcji. Wyższe kształcenie kobiet. // *Przebudzenie*. 1909. №14. P. 1–2.
- 82.[R. P. 1910] – R. P. O prawach kobiet na wszechnicach galicyjskich // *Ster*. 1910. №5–6. P. 243–246.
- 83.[Rady dla... 1913] – Rady dla wychodzących za mąż // *Pracownica Polska*. 1913. №11. P. 172–173.
- 84.[Reczyńska 1908] – *Reczyńska M.* Młodzież żeńska a moralność młodzieży męskiej // *Ster*. 1908. №4–5. P. 160–172.
- 85.[Roguska 1918] – *Roguska J.* O siłach kobiecych // *Ziemiańska II*. 1918. №9. P. 134–137.
- 86.[Rolnicza uczelnia... 1911] – Rolnicza uczelnia – a kobiety // *Ster*. 1911. №8–9. P. 301–302.
- 87.[Romualda 1909] – *Romualda M.* Praca na wsi // *Przebudzenie*. 1909. №6. P. 5–6.

- 88.[Rygierówna S. 1908] – *Rygierówna S.* Słuchaczki obcopoddane na fakultecie medycznym w Krakowskim i Lwowskim Uniwersytecie // *Ster.* 1908. №1. P. 21–23.
- 89.[Sędzina 1912] – Sędzina. Dobra córka // *Ziemiańska II.* 1912. №16. P. 241–242.
- 90.[Sprawozdanie... 1914] – Sprawozdanie z kursów trzydniowych w Warszawie // *Ziemiańska II.* 1914. №4. P. 57–62.
- 91.[Sprawozdanie... 1912] – Sprawozdanie z posiedzenie Wydziału Pedagogicznego // *Ziemiańska I.* 1912. March. P. 21–24.
- 92.[Staszyński 1962] – *Staszyński E.* Walka o demokratyczną polską szkołę w Królestwie Polskim w okresie rewolucji 1905–1907 // *Rozprawy z Dziejów Oświaty.* 1962. №5. P. 179–227.
- 93.[Stowarzyszenie... 1910] – Stowarzyszenie Służących w Kielcach // *Pracownica Polska.* 1910. №6. P. 10–12.
- 94.[Strzeżmy się 1913] – Strzeżmy się // *Pracownica Polska.* 1913. №17. P. 266–267.
- 95.[Szkoła... 1911] – Szkoła babek wiejskich // *Ziemiańska II.* 1911. №2. P. 14.
- 96.[Szkoły gospodarskie... 1912] – Szkoły gospodarskie niemieckie // *Ziemiańska I.* Luty. P. 10–16.
- 97.[Szpyrkówna 1909] – *Szpyrkówna M.* Jak je uchronić? // *Przebudzenie.* 1909. №3. P. 6–10.
- 98.[Szwarc 1997] – *Szwarc A.* Krytyka kobiecości czy próżniaczego stylu życia? Stare i nowe wzorce życia codziennego kobiet w publicystyce i literaturze pięknej epoki pozytywizmu // *Kobieta i kultura życia codziennego. Wiek XIX i XX / Eds. A. Żarnowska, A. Szwarc.* Warsz.: Wydawnictwo DiG. P. 295–307.
- 99.[Terpiłowska 1909] – *Terpiłowska W.* Nieuzasadniony przesąd // *Przebudzenie.* 1909. №18. P. 1.
100. [Weychert 1912] – *Weychert H.* Sprawozdanie z kursów tkactwa i gospodarstwa wiejskiego w Grędzicach za 1912 // *Ziemiańska I.* 1912. Grudzień. P. 13–18.
101. [Weychert-Szymanowska 1913] – *Weychert-Szymanowska Wł.* Ze stosunków uniwersyteckich w Krakowie // *Ster.* 1913. №1. P. 2–3.
102. [Winiarz 1992] – *Winiarz A.* Kształcenie i wychowanie dziewcząt w Księstwie Warszawskim i Królestwie Polskim (1807–1905) // *Kobieta i edukacja na ziemiach polskich w XIX i XX w.: Zbiór studiów / Eds. A. Żarnowska, A. Szwarc.* Warsz.: Wydawnictwo DiG. P. 3–28.
103. [Wisznicki 1912] – *Wisznicki M.* Posiedzenie Wydziału Pedagogicznego. Znaczenie wycieczek Krajoznawczych // *Ziemiańska I.* 1912. May. P. 1–8.

104. [X. 1909] – X. Wyższe kształcenie kobiet // Przebudzenie. 1909. №10. P. 8–9.
105. [Z higieny... 1912] – Z higieny: Jak wstrzymać krwotok z nosa, jak czyścić zaproszone oko // Pracownica Polska. 1912. №3. P. 13.
106. [Z nauki... 1913] – Z nauki: o zdrowiu: kaszel // Pracownica Polska. 1913. №4. P. 61–62.
107. [Zawadzki 1914] – *Zawadzki S.* Posiedzenie Wydziału Pedagogicznego. O czystości języka // Ziemiańska I. 1914. May. P. 1–7.
108. [Znaniński 1913] – *Znaniński F.* Ideał jako czynnik wychowawczy. // Ziemiańska I. 1913. Listopad. P. 1–9.
109. [Związek... 1908] – Związek równouprawnienia kobiet polskich // Ster. 1908. №6. P. 244–246.
110. [Życzliwy 1912] – Życzliwy. O należywym zachowaniu się w towarzystwie // Ziemiańska I. 1912. January. P. 53–57.

Малгожата Краковиак
Лодзинский университет
Факультет педагогических наук,
кафедра истории образования
и педевтологии
malgorzata.krakowiak@uni.lodz.pl

Małgorzata Krakowiak,
University of Lodz,
Faculty of Educational Sciences,
Department of the History of
Education and Pedeutology
malgorzata.krakowiak@uni.lodz.pl

Илья Александрович Малафей
Амстердамский университет
Магистерская программа
«Анализ культуры»
ilya.malafei@protonmail.com

Ilya A. Malafei
University of Amsterdam
Research Master “Cultural Analysis”
ilya.malafei@protonmail.com

УДК:
94 (47+
57):
371. 13/
.16
«1953/
1956»

«БЛАГОРОДНОЕ ЗВАНИЕ».

МОЛОДОЙ СОВЕТСКИЙ УЧИТЕЛЬ

КАК «ПРОДУКТ» СИСТЕМЫ

ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРИОДА

РАННЕЙ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ

“Title of Nobility”. Young Soviet

teacher as a product of the education

system of the period of early

destalinization

Автор:
Лев Брагин

Author:
Lev Bragin

Ключевые
слова:
десталиниза-
ция, образ
учителя, СССР,
советская
периодика,
педагогика.

Key words:
destalinization,
image of
the teacher,
USSR, Soviet
periodicals,
pedagogy.

Аннотация

В статье речь пойдет об идеально-типической модели социализации советского молодого педагога. В качестве основных источников используются отчеты органов управления образованием, периодическое издание «Учительская газета» и др., транслирующие общую идеологическую линию. Носитель «высокого звания», советский учитель в данном исследовании выступает примером идеально-типической модели, конструируемой из поведенческой и профессиональных составляющих.

Abstract

This paper is devoted to the ideal type of a young Soviet teacher. The author reconstructs the pattern of the future teacher training. The main sources are periodicals, departmental orders, orders of the pedagogical institute and Soviet movies. All these sources are related to the teacher community and have ideological content. From the point of view of Soviet ideology, the young teacher is a bearer of a “high rank” who has the most important task of educating the younger generation. To deal with it successfully a teacher must have had certain qualities, which will be discussed in this paper. The “ideal type” is split into two images: behavioral and professional.

Как правило, при изучении школы в СССР исследователи обращают внимание на учителей как на уже сформировавшихся акторов. Историки часто упускают значимую разницу, которая существует между опытными и начинающими учителями, при этом сам процесс профессионального становления выпадает из поля зрения ученых. При обращении к историографии можно обнаружить, что одной из проблем, с которой пришлось столкнуться советской школе, являлось отсутствие учителей с педагогическим образованием. «На начало 1953/54 учебного года в школах Министерства просвещения РСФСР насчитывалось 790,6 тыс. учителей, из них 23% не имели необходимого образования» [Иванова 2018: 210]. Советский педагогический дискурс каким-то образом должен был реагировать на дефицит достаточно квалифицированных учителей.

Таким образом, цель статьи — анализ репрезентации фигуры молодого учителя в педагогическом дискурсе. В статье предпринята попытка реконструировать модель профессиональной и политической социализации советского учителя периода ранней десталинизации (1953–1956). Несмотря на то, что в рамках исследования мы разделяем эти понятия, грань между двумя составляющими образа провести сложно.

Работа учителем в 1950-е годы предполагала получение относительно высокого символического статуса. Педагог приобретает этот статус благодаря наличию высшего образования, так как в 1950-х годах оно не было массовым явлением среди населения, в том числе и среди представителей педагогического сообщества. С позиции педагогического дискурса учитель считался представителем интеллигенции, который просвещает население. Если говорить про сугубо профессиональную составляющую, то, с одной стороны, учитель рассматривался как носитель предметных знаний, а с другой, являлся посредником между идеологическим и школьными мирами.

Основные используемые в исследовании источники — это «Учительская газета», фильмы «Сельская учительница» и «Первоклассница», отчеты органов управления образованием и годовые отчеты Молотовского педагогического института. «Учительская газета» появилась в 1924 году. Ее издателем являлось Министерство просвещения СССР. В газете можно обнаружить разнообразные сюжеты, но все они будут относиться к учительской тематике. Из всего материала нас интересуют, прежде всего, статьи, посвященные фигуре именно молодого педагога. В центре внимания подобных материалов оказываются проблемы, с которыми может столкнуться

молодой учитель, рассказы про быт, различные рекомендации начинающим педагогам и т.д.

Ведомственные отчеты — ежегодные документы, которые описывают состояние дел в школах Молотова и Молотовской области [1]. Внимание авторов отчетов часто сосредоточено на работе учителей, при этом встречаются как описания преуспевающих педагогов, так и учителей, совершающих ошибки. Иными словами, в этом источнике можно обнаружить представления о нормах и девиациях в учительской деятельности. Специфика отчета педагогического института во многом схожа со спецификой отчетов органов управления образованием. Несмотря на то, что эти документы являются продуктом бюрократии Молотовской области, они не отражают локальные особенности, а воспроизводят общесоветский педагогический дискурс. Таким образом, в исследовании используются источники, которые позволяют рассматривать советскую школу и молодых учителей с позиции «властных» установок.

Для описания методологической рамки мы обратимся к теории социолога Макса Вебера. В работе «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» Вебер предложил использовать категорию идеального типа, которая понимается как некая абстрактная теоретическая конструкция, необходимая для выделения основных характеристик изучаемого предмета. Идеальный тип, по мнению Вебера, носит внеэмпирический характер, эта конструкция создается самим исследователем. Каким образом можно использовать эту категорию в исследовании? Идеально-типическая модель служит своеобразным ориентиром, точкой отсчета. Через соотношение ориентира и предмета исследования ученый может выявить особенности изучаемого исторического явления. Таким образом, в данном исследовании предпринята попытка реконструировать идеально-типическую модель будущего учителя. Важно отметить, что эта модель может состоять как из эталонного образа, так и из совокупности различных девиаций. Мы проанализируем, что ожидал вуз от своих выпускников и о чем он их предупреждал.

С точки зрения Вебера, учительскую профессию можно считать призванием: «выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека» [Вебер 1990: 97]. Изначально идея труда как призвания или как самоцели сформировалась в религиозной среде, а именно

[1] — На данный момент это город Пермь и Пермский край.

в протестантизме. Со временем религиозная составляющая ушла на второй план, а идея труда сохранилась. Она сформировала вокруг себя профессиональный этос, состоящий из правил поведения, моральных норм, ценностей и эталонов.

Реконструкция идеального типа в исторических исследованиях всегда нуждается в некоторых корректировках и пояснениях, связанных со спецификой используемых в работе источников. При анализе текстов педагогического дискурса исследователь сталкивается со специфическими языковыми стилями. Например, в ведомственных отчетах стиль языка бюрократический. Он предполагает четкую структуру изложения, большое количество клише, наглядные примеры в виде статистики и т.д. В «Учительской газете» стиль описания, напротив, является более «живым», но не лишенным бюрократических и политических клише. Во всех используемых источниках бюрократический стиль описания тесно переплетается с политическим, который характеризуется наличием лозунгов, перечислением достижений советской власти, постоянным упоминанием фигур власти, таких как партия, Сталин и другие члены КПСС. В этом симбиозе различных стилей, применяемых в текстах советской эпохи, исследователь обнаруживает описание учителя с совершенно разных позиций. В этой связи «бюрократический учитель» может отличаться от «партийного педагога» или «преподавателя — носителя высокой советской культуры». Важно подчеркнуть, что с позиций современности это деление может выглядеть обоснованным и являться частью идеально-типической конструкции. Однако для автора источника границы между указанными образами могли не осознаваться. На основе изучения стилистических особенностей описания начинающего учителя мы реконструируем идеально-типическую модель молодого педагога. Несмотря на разное происхождение источников (от бюрократического отчета до фильма), все они в определенной мере транслируют педагогический дискурс.

Начнем анализ с маленького, но показательного отрывка из «Учительской газеты»:

«Вот скоро исполнится год, как он уже больше не Владик, а Владислав Арсентьевич — учитель физики в старших классах 2-й средней школы г. Александрова Владимирской области, а волнуется он по-прежнему. Приближается его первый экзамен. Только теперь Владислав Арсентьевич переживает вдвойне: и за себя, и за своих десятиклассников» [Волнения молодого учителя. 1956: 2].

В отрывке наблюдается важный элемент модели социализации педагога. Высокий символический статус можно проследить через фразу «Не Владик, а Владислав Арсентьевич». Здесь происходит своеобразная инициация молодого педагога, входящего во «взрослую» жизнь под новым «взрослым» именем. Таким образом, с получением высшего педагогического образования произошел переход, в результате которого учитель приобрел как высокий социальный статус, так и высокий уровень ответственности перед государством и учениками.

В идеологическом дискурсе отчетливо прописан высокий символический статус учителя:

«Перед тысячами молодых педагогов открывается новая ответственная страница жизни. Каждый из выпускников, отправляясь на педагогическую работу, должен быть достоин высокой чести носить гордое звание советского учителя» [Достоинно встретить... 1952: 1].

Для описания этого звания могут использоваться и другие эпитеты, например, «благородное», «высокое», «благороднейшее». Таким образом, становится заметна глорификация учительской деятельности в идеологическом дискурсе. «Высокое звание» — это основополагающая черта модели любого педагога. Учитель наделяется «высоким званием», потому что он идеологически индоктринирован и является посредником между учеником и советской властью.

В статье мы представим поведенческую модель советского молодого педагога, а затем рассмотрим профессиональную составляющую модели. Под **поведенческой моделью** понимаются необходимые характеристики учителя, которые не связаны напрямую с его предметными знаниями.

Важная составляющая модели советского учителя — высокий уровень нравственности. С точки зрения идеологии, советский педагог является носителем «благородного звания». Это может быть тесно связано с конструированием морального облика фигуры педагога. В самих отчетах института был отдельный раздел, посвященный негативному поведению студентов, где провинившиеся студенты критиковались с точки зрения советской морали: «Черныш сказал, что вечера встречи не следует проводить, так как они ведут к моральной неустойчивости студентов» [Протоколы. 1954].

Нельзя четко ответить на вопрос, что понимается под моралью советского педагога. Можно предположить, что «моральный образ» является продолжением концепции «культурности», которая начала складываться в СССР в 1930-х годах [Волков 1996]. Оба концепта имели общие элементы: политическую грамотность, начитанность, умение вести себя за столом и т.д. Тем не менее, создается ощущение, что сюжеты, связанные с моральным поведением студентов или выпускников, превратились в определенное идеологическое клише, причем любая девиация начинает рассматриваться как несоответствие моральному образу.

Патриотизм — обязательный атрибут образа молодого учителя. Упоминания патриотизма встречаются во всех типах источников, но чаще всего они встречаются в периодических изданиях:

«В этом патриотическом стремлении со всей глубиной раскрывается характер нашей молодежи, ее беспредельная любовь к Родине, к своему народу. В Коммунистической партии, взрастившей и воспитавшей высокосоциальных строителей новой жизни» [Долг молодых специалистов. 1954: 2].

Как учитель может проявлять патриотизм? Один из самых частых примеров, встречающихся в периодике, — сюжет с распределением учителей на работу в дальние регионы: «Я еду в Псковскую область, — говорит Валерия Полозок, — буду работать там в сельской школе, хочу создать хороший кружок юных географов и заняться с ребятами изучением земель местного колхоза» [Молодые географы. 1954: 4]. Таким образом происходит романтизация процесса распределения в педагогическом дискурсе. Самоотверженность, с которой учитель покидает свой родной город и переезжает в сельскую местность, также является частью модели молодого советского педагога. Подобные сюжеты в периодических изданиях могут быть своеобразной реакцией власти внутри педагогического дискурса на отказ студентов уезжать по распределению. Довольно часто по приезду в деревню молодые учителя сталкивались с тяжелым материальным положением:

«В наибольшем затруднении находились молодые учителя, которые приезжали работать в сельские школы. Местные органы образования не имели возможности предоставить им квартиры и не всегда могли помочь в решении многих бытовых вопросов» [Белова 2015: 122].

Реакция педагогического дискурса была направлена на мотивирование студентов не искать способов уклониться от распределения.

Следующая важная составляющая учительской модели — это любовь к своим ученикам и забота о них. Для доказательства этого тезиса обратимся к образам педагогов, представленным двумя советскими фильмами: «Сельской учительницей» Марка Донского и «Первоклассницей» Ильи Фрэза. Вспомним сюжет первого фильма: муж сельской учительницы Варвары Васильевны убит на войне. Своих детей у нее нет, поэтому ученики занимают их место. В фильме выстраивается образ учительницы как второй матери — ученики становятся для нее высшей ценностью.

Во втором фильме ученицы первого класса, выполняя домашнее задание, заблудились в лесу. Об этом через милицию узнает их классный руководитель. Она вместе с сотрудниками правопорядка отправляется в лес на поиски своих учениц. Здесь мы видим важный элемент образа, а именно самоотверженную заботу о своих учениках. Степень самоотверженности поступка подчеркивает то, что после поисков учительница заболевает.

Другой важный элемент поведенческого образа советского педагога — скромность. «И в то же время следует решительным образом пресекать малейшее зазнайство и нескромность в поведении молодого педагога, ибо эти качества несовместимы с благороднейшим званием народного учителя» [Молодому учителю... 1956: 1]. Скромность должна была проявляться не только в поведении, но и во внешнем облике педагога. Визуальным образом советского педагога занимались латвийские ученые В. Кальке и И. Кестре. Эталонный визуальный образ не включал в себя использование косметики, ношение украшений или яркой одежды. С точки зрения идеологии, внешний образ учителя должен быть скромным, чтобы не отвлекать учеников от занятий [Кальке, Кестре 2016].

Последний элемент поведенческой модели, который мы выделим, — это дружеское отношение к другим участникам педагогического процесса. Советский учитель рассматривается как член всего педагогического сообщества. Отношения между учителями, школьной администрацией и учениками должны иметь дружественный характер. «Большая и дружная семья советских учителей пополняется в этом году многочисленным отрядом молодых специалистов» [Достоинно встретить... 1952: 1]. В педагогическом дискурсе молодые учителя помещаются в патерналистические рамки со стороны государства. В обязанности «старших» коллег входила поддержка при-

бывших в школу новых педагогов, например, помощь в решении бытовых проблем, консультации по методическим вопросам и т.д. Опытные педагоги, директора, завучи становились проводниками государственного патернализма.

Перейдем к описанию **профессиональной модели** советского молодого учителя. Важной составляющей этой модели является наличие предметных знаний у учителя, что на языке советской школьной бюрократии называется высоким идейно-теоретическим уровнем. «Стать настоящим педагогом, воспитателем, наставником молодежи можно только на живой работе, соединяя воедино полученные теоретические знания с практикой» [Достоинство встретить... 1952: 1].

Можно предположить, что в модели молодого педагога хорошие теоретические знания тесно связаны с политической грамотностью. Эта характеристика в большей мере применима к педагогам, чей предмет подвержен политизации, как, например, история, литература, география. Учителю необходимо связывать теорию своего предмета с современной политикой, проводить агитационную работу, рассматривать учебный материал с марксистской точки зрения, точно воспроизводить идеологический нарратив:

«Об этом — добавляет она — вождь говорил своим избирателям 9 февраля 1946 года. В ее словах звучит гордость за своего вождя за большевистскую партию и радость за советских людей. В то время как американские хищники лихорадочно готовят новую мировую войну — подчеркивает студентка наш народ занят мирным созидательным трудом» [Будущие историки. 1952: 3].

Один из самых частых сюжетов, встречающихся при описании идейно-политических знаний, — противопоставление СССР и западных капиталистических стран. Учителя, используя материал своего предмета, должны были продемонстрировать успехи коммунистической системы и указать на недостатки капиталистической. «Разительные перемены происходят в географии народно-демократической Венгрии, строится большой канал, который соединит Дунай с Тиссой, создается море в сухой степи» [Молодые географы. 1954: 4]. Это отрывок из статьи, посвященной молодым преподавателям географии, где речь идет о преобразовании природы человеком. Скорее всего, это отголоски проекта под названием «Сталинский план преобразования природы». Изначально эта идея применялась к Советскому Союзу, но со временем начала ис-

пользоваться и по отношению к странам социалистического блока. Далее в статье встречается описание капиталистических стран: «Экзаменуемая приводит интересные факты о том, как капиталистическая Англия сжигала свои леса, сколько пустошей, “диких мест” имеется сейчас в той стране!» [Молодые географы. 1954: 4]. На этом примере видно, что подразумевалось под бюрократическим термином «идейно-политический». В учебном нарративе молодого преподавателя должны прослеживаться следующие черты: противопоставление рационального социализма и иррационального капитализма; актуализация материала посредством сопоставления с политикой; главенство советских ученых над западными; агитационная работа.

Основным показателем, по которому оценивают успешность любого педагога, является уровень успеваемости в классе. Подобный критерий часто встречается в отчетах органов управления образованием, поскольку именно на него проверяющие в первую очередь обращают внимание. Если уровень успеваемости низкий, то они пытаются обнаружить причину в девиации в работе педагога. Интересно, что при оценке не учитывались «объективные» факторы, которые могли влиять на успеваемость в классе, например, плохое состояние школьных зданий, отсутствие учебных материалов, низкое социальное положение семьи ученика и т.д.:

«Успеваемость все еще является отстающим участком. В ряде случаев наблюдается бедность, однообразие методических приемов, неумение владеть классом, отсутствие речи учителя на изучаемом языке, отсутствие навыков постановки учащимися вопросов и ответов к текстам, часто плохое чтение, неумение ориентироваться в переводе, отсутствие внеклассной работы, особенно домашнего чтения и наглядных пособий» [Отчет о... 1954: 84].

Начинающий учитель должен уметь заинтересовывать своих учеников. «Преподавая историю в старших классах Токтогульской школы имени Сталина, она так заинтересовала ребят, что все ученики стали учиться только отлично и хорошо» [Молодой педагог... 1954: 1]. Это важный атрибут модели молодого педагога, который часто попадал в поле зрения авторов «Учительской газеты». Внимания ученика можно было добиться двумя способами. Первый в текстах советской школьной бюрократии называется «эмоциональным подходом» и предполагает более воодушевленную подачу материала,

направленную на эмоциональное вовлечение учеников: «я постараюсь не только дать учащимся знание литературы, но и привить им любовь к литературе, научить их ценить и чувствовать красоту художественных произведений» [Отвечают будущие... 1956: 3].

Второй способ в отчетах органов управления образованием обозначается как «творческий подход» (сейчас такой подход называли бы «креативным»). Под этим подразумевается, что молодой педагог должен придумать способ, как можно облегчить восприятие материала: подготовить наглядные пособия, провести урок по необычному плану — иными словами, выйти за рамки шаблонного подхода к планированию занятий. Генезисом идеи «борьбы с формализмом» занималась Мария Майофис. Исследовательница включает это нововведение советской педагогики в контекст ранней оттепели, которая, по ее мнению, начала зарождаться в советской школе с середины 1940-х годов. «Лозунг “борьбы с формализмом” давал — во всяком случае, в дискурсивном поле — возможность говорить о шаблонности, рутинности и неэффективности существующих методов и практик обучения и воспитания» [Майофис 2015: 41].

Последняя составляющая модели, к которой мы обратимся в данной статье, — политехническая подготовка молодого педагога. По мнению Петра Сафронова, идея политехнизации в 1950-е годы превратилась в партийное клише [Сафронов 2015: 193–213]. Как показывает советская периодика, оно активно использовалось при описании молодого педагога. Предполагается, что молодой учитель должен понимать основы современного производства и сельскохозяйственной деятельности и передавать свои знания ученикам:

«Большое внимание уделяется политехнической подготовке учителей. Преподаватели физики и химии изучат основы современной техники, биологии ознакомятся с основами сельского хозяйства, пройдут практикумы по изготовлению учебно-наглядных пособий» [Политехническая подготовка... 1954: 4].

Описание идеально-типической модели молодого учителя необходимо закончить гендерной характеристикой. При работе с образами учителей мы чаще всего имеем дело именно с фигурой женщины. Наглядными примерами являются фильмы, о которых в статье шла речь. Это неудивительно, ведь общее количество учительниц в 50-е годы на всех школьных образовательных ступенях было выше 70% [Белова 2015: 56]. Таким образом, в этот период учительская профессия уже имела женское лицо. Хотя стоит отметить,

что авторы статей в «Учительской газете» не пытаются конструировать именно женской образ педагога — довольно часто встречается гендерно нейтральное слово «учитель». В советской периодике оно используется для описания как мужчины, так и женщины.

Итак, в статье была предпринята попытка реконструировать идеально-типическую модель социализации молодого педагога. Эту модель можно условно поделить на две основные части: поведенческую и профессиональную. Достаточно сложно провести грань между молодым и опытным педагогом, поскольку дискурс предъявляет одинаковые требования ко всем. Тем не менее, фигура молодого учителя выделяется во многих источниках эпохи, и для начинающих педагогов предписываемые требования были явно завышены и невыполнимы из-за отсутствия необходимого практического опыта. В педагогическом дискурсе планка качества преподавания высока, поэтому молодым педагогам становится трудно соответствовать предписанным требованиям, ведь многие факторы, которые напрямую влияли на успеваемость в классе, не зависели от учителя. Массовая бедность, безотцовщина, удаленность школы от дома и т.д. безусловно негативным образом влияли на успеваемость учеников. Учитель часто становился заложником ресурсной недостаточности, которая являлась причиной невыполнения требований, предписываемых педагогическим дискурсом. Можно выдвинуть гипотезу о том, что завышенные и, вероятно, заведомо невыполнимые требования связаны с недостатком учителей с соответствующим образованием. Идеально-типическая модель как составная часть дискурса была направлена на то, чтобы способствовать более успешной профессиональной социализации молодых педагогов. Однако на практике это не всегда работало, завышенные требования могли разочаровывать молодых учителей, ведь они осознавали несоответствие своей фигуры с нормативным образом из педагогической периодики [Аноним. 1953].

Список источников

1. [Аноним. 1953] — Аноним. Дневник. [Электронный ресурс] // Прожито. — URL: [link](#) (дата обращения 03.02.2021).
2. [Будущие историки. 1952] — Будущие историки // Учительская газета. 1952. №48. 3 с.
3. [Волнения молодого учителя. 1956] — Волнения молодого учителя // Учительская газета. 1956. №40. 2 с.
4. [Долг молодых специалистов. 1954] — Долг молодых специалистов // Учительская газета. 1954. №23. 2 с.
5. [Достойно встретить... 1952] — Достойно встретить молодых учителей // Учительская газета. 1952. № 63. 1 с.
6. [Забота института... 1952] — Забота института о молодых учителях // Учительская газета. 1952. №72. 2 с.
7. [Молодой педагог... 1954] — Молодой педагог Букеш Джилкибаева // Учительская газета. 1954. №17. 1 с.
8. [Молодому учителю... 1956] — Молодому учителю — внимание и поддержку // Учительская газета. 1956. №55. 1 с.
9. [Молодые географы. 1954] — Молодые географы // Учительская газета. 1954. №54. 4 с.
10. [Отвечают будущие... 1956] — Отвечают будущие преподаватели литературы // Учительская газета. 1956. №45. 3 с.
11. [Отчет о...] — Отчет о работе школ г. Молотова 1953–1954 // ГАПК. Ф.478. Оп.2. Д.79. Л.130.
12. [Первоклассница. 1948] — Первоклассница. Фильм /Реж. И. Фрэнз — СССР, Союздетфильм, 1948.
13. [Политехническая подготовка... 1954] — Политехническая подготовка будущих учителей // Учительская газета. 1954. №4. 4 с.
14. [Протоколы. 1954] — Протоколы №1-10 общих партсобраний парторганизации педагогического института за 1955 год // ПермГАСПИ Ф. 74. Оп. 1. Д. 2025. 85 л.
15. [Сельская учительница. 1947] — Сельская учительница. Фильм/ Реж. М. Донской. — СССР, Союздетфильм, 1947.

Список литературы

1. [Белова 2015] — *Белова Н.А.* Повседневная жизнь учителей. М.: ИЭА РАН, 2015. 228 с.
2. [Вебер 1990] — *Вебер М.* Избранные произведения М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. [Волков 1996] — *Волков В.В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. URL: [link](#) (дата обращения: 27.02.2021).
4. [Иванова 2018] — *Иванова Г.М.* Советская школа в 1950–60-е годы. М.: Московское время, 2018. 432 с.
5. [Кальке, Кестре 2016] — Кальке Б., Кестере И. Образ учителя в советской Латвии 1945–1985: идеал против реальности? // Дорогой друг. Социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование). М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 49–66.
6. [Майофис 2015] — *Майофис М.Л.* Предвестия «оттепели» в советской школьной политике позднесталинского времени // Острова утопии Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 35–107.
7. [Орлова 2004] — *Орлова Г.А.* Владеть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.) // Вопросы истории, естествознания и техники. 2004. №4. С. 163–185.
8. [Сафронов 2015] — *Сафронов П.* Идея политехнизации в отечественной школьной политике: подготовка реформы 1958 года и кризис эгалитарной идеологии // Острова утопии Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). М.: НЛО, 2015. С. 193–213.

Лев Вадимович Брагин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Москва,
Школа исторических наук,
магистерская программа
«История современного мира»
leva.bragin@yandex.ru

Lev V. Bragin

National Research University
Higher School of Economics
(Moscow),
School of History,
Master's Programme
in History of the Modern World
leva.bragin@yandex.ru

ОТ «ВОПРОСОВ ИСТОРИИ»
ДО «COSMOPOLITAN»:
НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ПЕРИОДИКИ

Интервью с Борисом Степановым,
культурологом, преподавателем
НИУ ВШЭ

Материал
подготовили:

Александра
Денисова

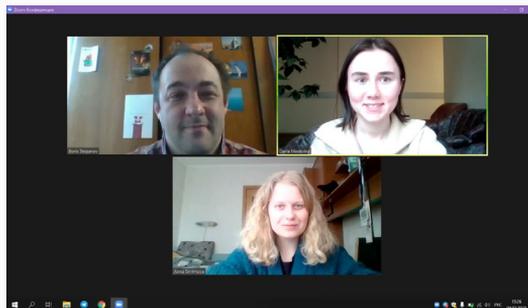
Ирина
Капитонова

Дарья
Москвина

Анна
Смирнова

Периодика — источник сложный, но невероятно интересный. Кажется, невозможно охватить весь спектр тем, открывающихся исследователю, решившему построить свою работу на анализе материалов газет, журналов и альманахов. Чтобы разобраться в этом научном поле, мы обратились к Борису Степанову, культурологу, преподавателю НИУ ВШЭ в Москве. Мы поговорили о том, как исследовать периодику, как задавать новые вопросы и как быть смелым в своих гипотезах.

Борис Евгеньевич Степанов — заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ), доцент Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, кандидат культурологии. Сфера научных интересов: социология культуры, интеллектуальная история, теория и история исторического знания, теория и история культуры, культурные исследования.

В зуме с Борисом Степановым беседовали Дарья Москвина и Анна Смирнова.

Дарья Москвина: С чего начался ваш интерес к периодическим изданиям? Как именно вы работаете с периодикой, каким периодом занимаетесь?

Борис Степанов: В моем случае, как ни странно, интерес был связан с научным проектом, который был инициирован журналом. В начале 2000-х годов редколлегия «Нового литературного обозрения», флагмана нашей гуманитарной периодики, задумала сделать специальный выпуск про 1990 год. Идея заключалась в том, что этот год можно рассматривать как рубежный во многих отношениях. И редакторы предложили исследователям подумать, какие сюжеты в своих областях они могли бы в этой перспективе проанализировать.

В тот момент я преимущественно интересовался культурной историей отечественной исторической науки. Я занимался медиевистикой начала XX века, а также тем, что часто называется «неофициальной советской медиевистикой». Я подумал, что мой интерес можно конвертировать в материал, связанный с возникновением альманаха «Одиссей». Правда, он появился не в 1990-ом: пилотный выпуск вышел в 1989 году. Однако программным можно считать именно выпуск 1990 года, где была опубликована дискуссия о личности и индивидуальности, которая была достаточно характерной как раз для состояния исторической науки в эпоху перестройки [1].

Таким образом, от чисто историографических сюжетов, связанных с концепциями конкретных исследователей, я перешел к работе с этим изданием, взял интервью у некоторых создателей альманаха, чтобы выяснить, как он возник, что это был за проект: на фоне исторической периодики того времени альманах достаточно сильно выделялся. Затем я попытался расширить контекст: посмотреть на другие исторические альманахи, такие как «Казус» и «Диалог со временем» [2]. Эту работу мы уже делали отчасти совместно с моим другом и коллегой Антоном Свешниковым, который, к сожалению, недавно ушел из жизни. Потом мы с ним двинулись в сторону изучения исторических журналов, и у нас в одном из сборников под редакцией Геннадия Бордюгова вышла статья про развитие пе-

[1] – Степанов Б.Е. Тонкая красная нить: споры о личности и индивидуальности как зачин историографии 1990-х // «Новое литературное обозрение», 2007, № 83/84.

[2] – Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации // Гуманитарные исследования (ИГИТИ ГУ ВШЭ). 2008. Вып. 2 (32). См. [link](#).

риодики в целом; мы там добавили другие издания, попробовали посмотреть на еще более широкий контекст [3].

Дальше я уже сам занимался советской исторической периодикой (у меня есть пара публикаций о том, как она менялась на рубеже 50–60-х годов), но также продолжал заниматься и постсоветской периодикой. Например, один из сюжетов был связан с университетскими вестниками. Они начали активно возникать с 90-х годов и до определенного момента были довольно специфическим локальными изданиями, иногда даже на границе профессиональной периодики. Я попытался осмыслить этот феномен еще до бума интереса к журналам — это было почти предвосхищением. Сейчас основной фокус моего интереса — это популярная историческая периодика, расцвет которой мы наблюдаем примерно с 2010-х годов — журналы «Дилетант», «Историк», «Родина» и другие издания.

Д. М.: Был ли в исторической науке (или шире — в гуманитарных науках) «поворот» к периодическим изданиям (как культурный, визуальный и т.п.), какой-нибудь *periodicals turn*?

Б. С.: Я бы сказал, что до некоторой степени этот поворот действительно произошел. Возникла необходимость, с одной стороны, ориентироваться на ВАКовский список журналов, с другой стороны, публиковаться в англоязычных изданиях и встраиваться в международный контекст — все это вызвало рост интереса к профессиональной периодике, к тому, как функционирует наша наука и какую публикационную инфраструктуру мы имеем.

Если же говорить о внимании к периодике как к историческому источнику, я бы не сказал, что в последние годы здесь наблюдается какой-то явный всплеск интереса. У историков такой всплеск был на рубеже 60–70-х годов. Истоки нашей традиции исследования журналов связаны с именем известного историка Сигурда Оттовича Шмидта, его источниковедческой и археографической школой. Именно с его исследованиями и работами его учеников связано развитие этой области. В частности, можно отметить Виталия Юрьевича Афиани, который в 70–80-е годы активно занимался журналами и периодикой XVIII–XIX веков. Его интересовала роль журналов в публикации исторических источников. Самым фунда-

[3] — Свешников А.В., Степанов Б.Е. *Историки в междисциплинарном сообществе (Междисциплинарность и трансформация исторического сообщества)* // *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. Под ред. Г. Бордюгова. М.: Аипо XXI, 2011. С.234–258.*

ментальным и масштабным трудом, на мой взгляд, можно считать работу Марины Петровны Мохначевой, посвященную роли периодики в возникновении исторической науки в XIX веке [4].

Я не сомневаюсь, что историки довольно активно используют журналы. Например, в учебниках по источниковедению, выпущенных при участии Марины Федоровны Румянцевой и других коллег, есть разделы, которые посвящены периодике как историческому источнику [5]. Нельзя сказать, что там есть конкретные инструкции для работы с этим типом источника, они скорее описывают этот тип текстов как форму коммуникации и обозначают возможное исследовательское поле. Однако какого-то направления, связанного именно с журналами (например, такого как общество исследователей журналов Викторианской эпохи, имеющее свое периодическое издание [6]), у нас, насколько я знаю, нет.

С точки зрения возможностей использования этих источников принципиальным моментом, конечно, является их связь с современной культурой, исследование которой, в свою очередь, требует привлечения каких-то социологических перспектив. В моем случае источником такой перспективы стала работа наших известных социологов культуры Льва Дмитриевича Гудкова и Бориса Владимировича Дубина под названием «Журнальная структура и социальные процессы», которая опубликована в их книге «Литература как социальный институт» [7]. Это любопытное исследование, которое появилось в перестроечные годы: тогда перед Гудковым и Дубиным стояла актуальная задача осмысления развития системы средств массовой информации. Эта работа может сейчас представлять исторический интерес, но она не утратила, как мне кажется, и своего концептуального значения. Авторы в ней показывают, как функционируют различные типы периодических изданий и какие запросы потребителей эти издания обслуживают. Общей рамкой для осмысления периодики здесь послужила кон-

[4] – Мохначева М.П. *Журналистика и историческая наука в России 30-70-х годов XIX века: Опыт источниковедения историографии: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. М., 1999. 335 с.*

[5] – Например, *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М.: РГГУ, 2000. 702 с.*

[6] – См. [link](#).

[7] – Гудков Л., Дубин Б. *Литература как социальный институт М.: Новое литературное обозрение, 1994.*

цепция общества и культуры эпохи модерна. Аналогичная рефлексия применительно к историко-литературной перспективе была реализована в работах Абрама Ильича Рейтблата. В его первой книге «От Бовы к Бальмонту» показано, например, почему толстые литературные журналы были для литературной культуры XIX века важнее, чем книги. [8]

Д. М.: Можем ли мы выделить момент, когда периодические издания стали восприниматься как исторический источник? Или не было никакой отдельной дискуссии, что вот, с этого момента для нас газета — это не источник новостей, а исторический источник?

Б. С.: Понятно, что когда мы ставим вопрос, как периодика может работать в качестве исторического источника, важно прежде всего понимать, о какой периодике идет речь: газета будет одним случаем, а журнал — другим. Кроме того, важно понимать, как журналы и газеты работают в качестве некоего коммуникативного канала. У уже упомянутых Гудкова и Дубина есть интересное наблюдение, связанное с эпохой перестройки: известный казус, когда журнал «Москва» начал публиковать «Историю государства Российского» Карамзина. Из номера в номер просто взяли и стали публиковать. О чем это говорит? С одной стороны, понятно, что журнал таким образом пытался ответить на запросы читателей и компенсировать отсутствие этого текста в каком-то актуальном горизонте. С другой точки зрения, если считать, что основная функция журнала — обозначать точку современности — эта публикация, конечно, абсолютный нонсенс. Тогда это был путь, который редакция журнала «Москва» сочла продуктивным, но который, тем не менее, выглядел довольно странно. И это касалось множества других случаев, таких, например, когда журнал «Социологическое обозрение» публиковал работы Павла Флоренского. Подобные примеры позволяют производить диагностику состояния интеллектуального сообщества и культуры.

Д. М.: Если мы говорим не об истории периодических изданий, а именно об использовании периодического издания в качестве источника: на что, на ваш взгляд, необходимо обратить особое внимание (издатель, бумага, тираж)? Можно ли «в вакууме» ссылаться на журнальную или газетную статью, не описывая контекста, в котором это периодическое издание существовало? Какой минимум контекстных характеристик необходимо учесть, чтобы не ошибиться и не сделать поспешные выводы?

[8] — Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Б. С.: На мой взгляд, характер использования периодических изданий как источников будет зависеть от задач, которые мы ставим, и, соответственно, от применяемых методов. В этом плане я выступаю здесь скорее как культуролог, который занимается историческими сюжетами, а не профессиональный историк-источниковед — я склонен делать акцент на конкретный дизайн исследования, а не на тип источника.

Традиционно прессу используют как резервуар информации о событиях прошлого, а журналистов воспринимают как протопристориков, которые аккумулируют материал для будущих исследователей. Вероятно, в этом контексте историкам будут полезны традиционные позитивистские методы критики источника. Но это ведь не единственный вариант использования периодических изданий, возможны совершенно другие подходы. Как известно, сегодня в моде большие данные. Однако развитие методов компьютерной обработки текстов началось не сегодня, например, у нас в 70-е годы этим занимались Иван Дмитриевич Ковальченко и Борис Николаевич Миронов, насколько я помню. Сейчас мы имеем целый ряд оцифрованных баз данных, связанных с газетами и журналами прошлого (например, газеты «Правда» и «Известия» оцифрованы полностью). Соответственно, мы можем количественными методами, путем довольно элементарного интеллектуального поиска какие-то вещи находить. Например, можно посмотреть на то, когда начинают встречаться в этих источниках конкретные слова — это контент-анализ, основанный на поиске по базе данных. В этом смысле нам может быть не сильно важен жанр текстов или способ употребления искомым слов. Но потом, когда мы получим эту базу поиска, особенно если она не очень обширная, мы можем заняться анализом того, в каких типах текстов появилось нужное нам слово: в передовице или в фельетоне, как оно используется, в каком контексте оно употребляется.

Другой пример связан с исследованием городской культуры. Речь идет о книге американского слависта Марка Штейнберга, которая называется «Petersburg Fin de Siècle», где он на материале газет исследует городскую культуру Петербурга конца XIX — начала XX века [9]. Он рассматривает это все в контексте представления о городе как лаборатории современной культуры, это интересный ход. У нас есть традиция рассматривать Петербург как средоточие высо-

[9] – Steinberg, M.D. *Petersburg Fin De Siècle: The Darkening Landscape of Modern Times, 1905–1917*. New Haven; London: Yale University Press, 2011.

кой культуры императорского периода, а здесь автор «спускается» на уровень городской жизни. Здесь газета рассматривается как зеркало жизни города, но достоверность тех или иных сообщений, скорее всего, не будет иметь большого значения.

Журналы открывают очень большие возможности для исследователя, в силу того, что в качестве источника исторической информации могут выступать самые разные элементы издания. С точки зрения истории повседневности можно, например, рассмотреть гигиенические практики. Исследователь может обратиться к рекламе в журнале и посмотреть на то, как она меняется, и как это соотносится с изменениями в гигиенических практиках. Ваш исходный вопрос касался, как я понимаю, в основном, текстов, но журнальная и газетная культура — это также и фотографические изображения. Есть, например, работа Татьяны Дашковой, написанная на материале фотографии 1920–30-х годов, где показано, насколько странными часто были газетные изображения и подписи, как формировалась культура газетной фотографии, как постепенно выкристаллизовался, именно в журнальной культуре, образ советского человека [10]. А какой замечательный материал карикатуры!..

Анна Смирнова: Мы хотели чуть больше поговорить именно о характеристиках самого источника. Каждый раз, когда вы упоминаете какой-то пример, вы берете конкретную тему, например, фотография или конкретный текст. А нам было бы интересно узнать ваше мнение по поводу того, насколько нужно вообще описывать сам источник. Я могу привести пример из своего исследования: я несколько лет изучала научно-популярные журналы, и мне казалось важным указывать тираж, обращать внимание на обложки, упоминать о том, какие материалы, помимо тех, с которыми работала я, там публиковались, какая там была реклама, каким образом выстраивались отношения между авторами и аудиторией читателей.

Б. С.: Ответ на ваш вопрос вытекает отчасти из того, что я уже сказал, потому что сама форма периодического издания — это то, что соответствует некоторой антропологической конструкции, связанной с аудиторией, интересы которой журнал обслуживает. У него есть задачи, которые он решает, неважно идет речь о толстом или тонком журнале. Естественно, эта антропологическая модель связана с тиражом и ценой.

[10] — Дашкова Т.Ю. Идеологическая неочевидность: странные фотографии в советских женских журналах 1920-х годов // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2017. №45. С. 159–190.

Могу привести пример из своей собственной практики, мы со студентами разбираем современные женские журналы (обычно у нас это журнал «Лиза») как реализацию идеи цивилизации в понимании Норберта Элиаса [11]. Действительно важно, что «Лиза», в отличие, например, от «Cosmopolitan», это один из самых дешевых журналов с максимальным охватом, еще лет 10–15 назад у него были миллионные тиражи. Тот образ цивилизованного и состоятельного человека, который конструирует журнал, ориентирован на максимально широкую аудиторию. Конечно, там не будет никакой высокой моды, вместо нее образцы одежды, адаптированные под массовое потребление. То же самое будет касаться рецептов и косметики. В этом смысле, чем бы вы ни занимались, вы можете любой из этих аспектов исследовать. Например, как редакция журнала представляет общение своих читательниц со значимыми другими — партнерами по работе, детьми, мужьями или друзьями. Также и сама коммуникация между редколлегией и читателями журнала будет строиться определенным образом — дружеское, мягкое обращение, которое должно создавать комфортную для читателя ситуацию, пригодную для трансляции определенных рекомендаций.

Какой бы сферой вы не занимались, важно представлять периодическое издание как социальный и культурный феномен. Дальше нужно конкретизировать общую модель в связи с историческим контекстом: важно не только то, что этот журнал из себя представляет, но и какое место он занимает в ряду аналогичных изданий. Это позволит объяснить, почему этот журнал выбирает определенную стратегию, публикует именно такие картинки на обложках или помещает именно такую рекламу. Ситуация коммуникации происходит на самых разных уровнях, поэтому единицей вашего анализа могут выступать самые разные вещи: и дизайн, и шрифты, и многое другое...

А. С.: Вы очень много раз упоминали коммуникацию между журналом и аудиторией, и поэтому следующий вопрос будет связан с этим: вы были научным руководителем Елены Вивич, которая написала статью «“Убейте время с пользой”»: трансформация кроссворда после перестройки» [12].

[11] – Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб, 2001.

[12] – Вивич Е. «Убейте время с пользой»: трансформация кроссворда после перестройки // Шаг/Steps Т.5 №4. 2019. С. 239–259

В ней приводятся различные примеры исследований, в которых авторы самостоятельно описывают аудиторию, хотя на самом деле трудно сказать, насколько верны их предположения. Исследователю, который работает с периодикой как с историческим источником, бывает трудно понять аудиторию, представить, как именно она читала конкретную газету или журнал. Получается, мы можем говорить уже об антропологии и социологии чтения. Насколько вообще можно быть смелым в своих предположениях о потенциальной аудитории периодического издания?

Б. С.: Понимаете, смелым приходится быть, но важно, какие у вас для этого есть возможности и основания. Сейчас, благодаря новой культуре исследования, трудно оставаться только внутри текстов, все больше хочется и требуется ставить вопросы о коммуникации — не только о том, что и как пишут, но и о том, как это читают. Действительно, это проблема, которая решается сложно. Например, есть исследование Дениса Козлова про журнал «Новый мир» эпохи своего расцвета, в котором он исследует этот журнал в контексте публикаций литературных произведений о репрессиях, таких как «Один день Ивана Денисовича» Александра Исаевича Солженицына [13]. У него (у Д. Козлова — прим. ред) как раз была возможность изучать, как читали журнал или как формировалась аудитория, потому что в архиве издательства есть письма читателей.

Но такая возможность есть не всегда, например, с современными популярными историческими журналами вопрос об аудитории является непростым, потому что доступных и очевидных источников здесь нет. Понять, как люди читают эти журналы, довольно сложно, но мы можем проследить, как сам журнал конструирует свою аудиторию: какого читателя и какой тип чтения предлагает. Журнал «Дилетант», например, настойчиво работает над разного рода развлекательными форматами, над тем, чтобы адаптировать исторический материал для более молодой аудитории, вследствие чего появляются таймлайны и инфографика. Поэтому некоторые выводы можно сделать на основе содержания журнала. Сказать о том, как эти материалы читаются, сложнее, ведь все, что у нас есть — это тиражи, социальные сети и другая инфраструктура, которая, к сожалению, не всегда репрезентативна. Некоторые журналы публикуют письма читателей, но нужно помнить, что эти письма отбирает редакция.

[13] — Kozlov D. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms With the Stalinist Past*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013.

Насколько у нас есть возможность делать предположения об аудиторрии? Для этого подчас требуется колоссальная работа, которую, например, проделал Абрам Ильич Рейтблат в книге, о которой я уже упоминал. Изучая русскую литературу XIX века, он проштудировал огромное количество воспоминаний из мемуаров и автобиографий и выудил оттуда материалы, касающиеся оценки читателями тех или иных журналов.

Относительно современных изданий можно проводить социологические опросы, а вот насколько эта тактика применима к журналам как историческим источникам — большой вопрос. С одной стороны, мы можем что-то предполагать исходя из содержания журнала — в литературоведении это называется изучением «имплицитного читателя» — рецептивная эстетика показывает некоторые возможности решения этой задачи. Мы можем посмотреть на то, как этого имплицитного читателя конструирует выбранный нами журнал. Иногда что-то можно извлечь из воспоминаний редакторов, переписки и других доступных документов. Вместе с тем всегда важно обозначать границы своих возможностей при работе с этим «молчаливым большинством», нужно показывать основания, на которых мы делаем те или иные выводы. Выводы, сделанные в результате анализа внутренней организации журнала и его коммуникативных характеристик, вполне могут быть признаны убедительными.

А. С.: Я думаю, сейчас логично перейти к вопросу о жанрах в периодике. Из того, что вы говорили про аудиторию и про то, каким образом работает журнал, получается, что для каждого жанра периодики, будь то современный журнал для домохозяйек или научный исторический журнал времен перестройки, нужен особенный методологический подход...

Может, вы могли бы рассказать про ваш опыт работы с историческими журналами. В начале одной статьи вы пишете, что исследование исторических журналов маргинализировано, в этом поле мало работают [14]. Так происходит, потому что очень сложно работать именно с историческими журналами, или проблема заключается в жанре и ограниченном круге вопросов, которые можно в связи с этим задать?

[14] – Степанов Б.Е. Советская историческая периодика в 1950-е – 1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений / Отв. ред.: Дмитриев А.Н., Самутина Н.В., Вишленкова Е.А. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 227–250.

Б. С.: Тема современной исторической периодики у нас до сих пор не вызывала большого интереса (пожалуй, здесь можно вспомнить только работы Натальи Потаповой [15]). Возможно, это связано с тем, что историкам в работе научных журналов все кажется достаточно очевидным. Между тем, если взять англоязычный контекст, то там можно найти целый ряд работ, которые посвящены исследованию функционирования исторических журналов. Например, примечательна книга Маргарет Стиг Далтон о феномене исторических журналов [16], в которой она рассматривает в сравнительной перспективе процесс изменения пространства журнала в разных традициях: французской, американской и немецкой. Далтон не только анализировала структуру журналов и принципы отбора текстов, но и проводила опрос, писала редакторам. Благодаря этому она получила комплексную картину работы этих изданий.

Конечно, ключевым вопросом для понимания того, как устроена журнальная коммуникация, является вопрос о жанрах публикаций. Когда я занимался исследованием исторических журналов 1950–1960-х годов, было интересно анализировать, тексты каких жанров там публикуются, и как они функционируют. Например, существовал такой популярный жанр — биографический очерк. Что для него симптоматично? Какие персонажи для этих очерков выбираются? Очерк — неочевидный жанр профессионального издания, сегодня мы не наблюдаем его. С учетом больших тиражей исторических журналов в этот период (например, «Новая и новейшая история» с тиражом 12 тысяч или «Вопросы истории» с тиражом 50–75 тысяч), понятно, что они обслуживали не только профессиональное сообщество, но и более широкую аудиторию. Этим и объясняется присутствие таких популярных форматов в научном журнале.

Или, например жанр интервью: в журналах 1960-х годов, конечно, никаких интервью нет, есть передовица, которая задает какую-то идеологическую линию и обеспечивает связь поля исторической науки с партийными решениями. Появление жанра интервью связано с 1980-ми годами, его расцвет пришелся на перестройку. Возникают новые голоса и новые авторитеты, становится возможно беседовать с каким-то историком как с авторитетной

[15] — См. напр. Потапова Н. *Российские исторические журналы: три модели организации знания и сообщества // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 191–233.*

[16] — Stieg, M. *The Origin and Development of Scholarly Historical Periodicals. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005.*

фигурой, например, с Ароном Яковлевичем Гуревичем, Иваном Дмитриевичем Ковальченко или даже с каким-нибудь представителем зарубежной науки.

В изучении исторических журналов интересно смотреть на разные параметры научной коммуникации: какие представления о научности истории и о жанрах научного письма за этим стоят, в каком режиме эта коммуникация происходит. Например, интересный факт: в 1950–1960-е годы существовала практика рецензирования целых номеров других изданий, а сегодня такое трудно представить. То, что объектом рецензирования раньше могла быть не только книга, но и отдельная журнальная статья — довольно любопытно.

В контексте коммуникации можно рассматривать все вплоть до обложки и элементов дизайна. Так, когда я вижу, что «Новая и новейшая история» оформляет раздел научных новостей иллюстрацией глобуса, я сразу вспоминаю передачу «Международная панорама», которую видел еще в детстве, — там на заставке был подобный образ. Думаю, что это характерный для того времени символ, обозначающий связь издания с международным контекстом. Или, например, журнал «Вестник древней истории» публиковал долгое время аннотации статей не на английском, как нам сейчас привычно, а на французском языке. Именно французский был приоритетным языком коммуникации с зарубежной аудиторией.

Сейчас в похожем ключе можно изучать современные популярные издания: рассматривать имплицитного читателя, формирование представления о науке и научности. Интересно смотреть, как эти журналы отзываются на различные события: как они пишут об акции «Бессмертный полк», как они реагируют на дискуссию о 28 панфиловцах. То, как издания включаются в обсуждение этих сюжетов, дает нам возможность понять, какие смысловые ресурсы для их обсуждения существуют в публичном пространстве. Например, журнал «Родина», членом редколлегии которого долгое время был критик Лев Александрович Аннинский, часто публиковал поэтические тексты в связи с теми или иными историческими сюжетами, например, с войной.

А. С.: Я думаю мы можем постепенно подходить к логическому завершению нашего разговора. В нашем первом выпуске все статьи так или иначе посвящены репрезентации и конструированию образов в периодике, поэтому в заключение хотелось бы попросить вас назвать отличные от этих, но при этом потенциально интересные темы, касающиеся периодических изданий. Может, есть еще какие-то важные и увлекательные темы, которые, как исследование исторических журналов, остаются за границами привычных интересов?

Б. С.: Чем более разнообразным будет наше исследовательское воображение, тем больше возможностей у нас будет использовать журналы для ответа на другие вопросы. В свое время статья Татьяны Дашковой про женские журналы и фотографию в них стала совершенно новаторской [17]. Анализ изображений и подписей к ним — такого не было раньше, историки таким образом не работали. Формирование визуального канона не выделялось в качестве отдельной темы в историческом поле, но с выходом этой статьи тема стала развиваться, и теперь уже есть целый ряд исследований, сделанных в этом русле.

Из более свежих примеров можно привести историка из Новосибирска, Наталью Родигину, и ее соавторов. Они изучили то, как путешествия в Сибирь формировали образ региона в тонких журналах XIX века [18]. Мне кажется, это очень интересно, что сейчас мы смотрим такие передачи, как «Орел и Решка», а в XIX веке эту функцию выполняли тонкие журналы, которые рассказывали о российских регионах. Родигина исследовала то, как создавался образ Сибири, на что обращали внимание при написании путевых очерков и заметок, как сам путешественник воспринимал этот регион.

Я думаю, что журналы как источник будут более востребованы в ситуации обращения социальных историков к проблематике культуры. Исследование в русле новой культурной истории позволяет раскрыть их потенциал применительно к самым разным сюжетам: от истории повседневности и моды до конкретных аспектов городской культуры, от туристического воображения до идеологии.

Статьи в вашем выпуске, насколько я мог понять по оглавлению, посвящены географическим представлениями, образам социальных групп и структур. Мне представляется важным и перспективным то, что здесь речь идет не просто о поиске информации о тех или иных событиях, но об изучении социального воображения. Периодика будет очень полезным источником для исследований такого рода.

Вместе с тем можно вернуться к коммуникативной составляющей, о которой мы тоже с вами говорили. Когда мы исследуем воображение, мы должны еще отрефлексировать коммуникативный

[17] – Дашкова Т.Ю. *Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов* // Логос. 1999. №11/12 (21). С. 131-155. См. также [link](#).

[18] – Родигина Н.Н. *«Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 328 с.

контекст. Вот, например, одна из тем статей в этом выпуске — «Образ крестьянина в трудах Императорского Вольного экономического общества». Понятно, что мы должны иметь в виду некое сообщество людей, которому адресован этот журнал: следовательно, этот образ крестьянина создается в перспективе этой группы, и она соответствующим образом выстраивает отношение к широкому слою трудящихся крестьян. Анализ ситуации приводит нас обратно к социальной истории. Таким образом, исследование журналов предполагает довольно очевидный, но, к сожалению, не так часто реализуемый диалог между социальной и культурной историей. Он важен, потому что культурные тексты являются инструментом для понимания общества, и не менее важным, чем традиционные для историков акты и документы.

Д. М.: Ну и напоследок: в статье, вышедшей в сборнике «Сад ученых наслаждений», вы написали о том, что важно изучать советскую историческую периодику, потому что она может многое сказать о науке истории сегодня [19]. Вы имели в виду, что сейчас у нас появляется возможность спокойно обсуждать то, что было 50–60 лет назад, или что наша историческая наука корнями уходит в советскую науку?

Б. С.: Я думаю, что и то, и другое. Когда мы видим, что у журнала «Вопросы истории» нет своего сайта, мы понимаем, что он существует по-прежнему как советский журнал, хотя мир вокруг значительно поменялся. В статье я и пытался описать эту систему исторической периодики: как она сложилась в послевоенный период (сначала появились «Вопросы истории», а затем и такие журналы, как «Новая и новейшая история» и «История СССР») и как она существует сейчас, чтобы тем самым указать на истоки форм научной коммуникации, которые культивировались в этих изданиях вплоть до последнего времени. Если журнал до сих пор публикует исторические очерки, то это симптоматично — почему редакция продолжает делать это, даже когда жанр стал абсолютно не характерным для исторических изданий? Или, наблюдая, в какой степени культивируется жанр дискуссии, мы видим, как журналы меняются и обретают новые черты. Например, журнал «Российская история» сильно изменил свою модель. Сопоставление с предыдущими этапами позволяет нам увидеть, какие задачи

[19] – Степанов Б.Е. Советская историческая периодика в 1950-е – 1960-е годы: рамки и пределы модернизации // Сад ученых наслаждений / Отв. ред.: Дмитриев А.Н., Самутина Н.В., Вишленкова Е.А. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 227–250.

журнал перед собой ставит и как он их решает. Обращаясь к университетским вестникам, мы видим, как радикально изменилась ситуация, как они ушли от модели «места для публикации» и приблизились к формату более полноценных изданий, где есть дискуссии, тематические выпуски и рецензионная работа.

Мне кажется, важно иметь такой материал для сопоставления, это помогает оценить, что происходит сегодня: какие существуют режимы профессиональной коммуникации и как они изменили свою форму. Конечно, не надо занимать позицию нормативности и однозначно утверждать, как должны правильно работать журналы, но все же стоит, хоть и с осторожностью, обсуждать не только профессиональную методологию, но и саму инфраструктуру научной коммуникации.

Приглашение к публикации

Мы принимаем ранее не публиковавшиеся работы студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантов, посвященные исследованиям в области филологии, истории, антропологии и других гуманитарных наук. Если ваша статья подходит под темы ближайших выпусков, заполните эту форму. Мы свяжемся с вами по почте и обсудим детали нашего дальнейшего сотрудничества.

Если у вас нет готовой статьи, но есть отличная идея, заполните эту форму. Опишите ваш материал и методы исследования, примерную структуру будущей статьи. Мы напишем вам письмо в котором расскажем, насколько редакция заинтересована в таком материале, или предложим, как можно доработать идею, чтобы статья лучше подошла для тематического выпуска.

Если тема вашей статьи не вписывается в анонсированные номера, но вы всё равно хотите опубликоваться — заполните последний раздел той же формы, опишите кратко содержание вашей статьи, и редакция обязательно рассмотрит вашу заявку. Возможно, сейчас мы как раз планируем сделать выпуск по вашей теме в следующем учебном году.

Отобранные редакцией статьи проверяются на плагиат, а затем проходят процедуру двойного слепого рецензирования. После рецензирования статья может быть принята к публикации без изменений, возвращена автору для доработки или отклонена. На заключительном этапе проводится редакция и корректура рукописи, все правки обязательно обсуждаются с автором.

Вы можете задать любые вопросы, написав нам на почту: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Правила оформления статей

Текст статьи должен быть написан на русском или английском языке. Объем оригинальной статьи должен составлять не менее 20 000 и не более 40 000 знаков с пробелами (включая примечания, список источников и библиографический список).

Используемый текстовый редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1.5, поля 2 см со всех сторон, отступ в начале абзаца 1.25, выравнивание текста по ширине.

Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках. Например: [Иванов 2020: 15]. На архивные источники: [ЦГА. Ф. 148. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2об]. Допускается наличие необходимых примечаний. Все примечания оформляются как концевые, при этом внутри текста указывается порядковый номер примечания в квадратных скобках. Например: [1].

При желании автор может выразить благодарность своему научному руководителю в первом примечании. Там же указывается участие в грантах, если это необходимо.

К статье прилагается список источников (в том числе архивных материалов) и библиография, двумя списками в алфавитном порядке. Русскоязычные источники ставятся в начало списка. Вот примеры оформления разнотипных позиций библиографического списка.

К статье могут быть добавлены иллюстрации, не более 5 изображений. Файлы в формате JPG или PNG, качеством 300 dpi. Обязательно указывайте автора и правообладателя, если изображение цитируется — то источник цитаты.

Наиболее актуальные требования к оформлению рукописей находятся на нашем сайте.

Другие варианты сотрудничества

В каждом выпуске журнала мы публикуем **переводы** статей зарубежных исследователей и исследовательниц. Если вы хотели бы перевести для журнала такую статью — оставьте заявку в **форме**, укажите, какими языками вы владеете и в какой области гуманитарного знания лежат ваши научные интересы. Как только у нас появятся переводческие задачи, требующие ваших навыков, мы с вами свяжемся. К сожалению, мы не можем просто взять и опубликовать перевод того, что вы выберете. Прежде всего, нужно получить разрешение на публикацию у владельца авторских прав, и эту задачу мы берем на себя. Именно поэтому, прежде чем начинать перевод, обязательно напишите в редакцию, и дальше мы расскажем вам, что делать.

Если вы хотите написать **рецензию** на книгу, взять **интервью** у ученого или сделать **репортаж** с культурного мероприятия — для вас открыт культурный раздел журнала. Статьи в нем публикуются только на сайте и не проходят процедуру слепого рецензирования. Мы с радостью примем новых авторов — напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, приложите примеры ваших текстов и несколько тем, за которые вы готовы взяться.

В редакции журнала всегда есть, чем заняться. Напишите нам на почту svoimi.slovami.journal@gmail.com, расскажите о своих навыках, и мы попробуем найти им применение. Особенно ищем студентов, знакомых с версткой, с авторским правом или с литературным редактированием англоязычных текстов.

FOR AUTHORS

Call for Submissions

The journal accepts articles written by undergraduate, graduate and postgraduate students devoted to the research in the fields of language and literary studies, history, anthropology and other humanities. Manuscripts submitted to In your own words (“Svoimi Slovami”) should not be under simultaneous consideration by any other journal, nor should they have been published elsewhere. If you have written an article and your article fits within the aims of the announced topic of one of the next issues, please fill out this form ([link](#)). We will contact you to discuss the possibility of cooperation.

If you have not written an article yet, but do have a striking idea for it, fill out this form ([link](#)). In it, describe your idea, subject matter and research methods, as well as an approximate structure of the future article. We will let you know if we are interested in such an article, or suggest how to work on the idea so that the article fits better into the themed issue.

If the topic of your article is not suitable for our announced themed issues, please fill out the last section of the form ([link](#)). In that section, briefly describe the content of your article, and the editors will consider your application. That will be exceedingly valuable for our planning of the topics for the next issues.

Articles selected by the editors undergo plagiarism checking and double-blind peer review procedure ([link](#)), according to the results of which the article can be accepted for publication without changes, returned to the author for revision, or rejected. After this, editing and proofreading take place. All the alterations are made after negotiation and getting agreement from the authors.

If you have any questions left, feel free to write to us at: svoimi.slovami.journal@gmail.com.

Manuscript Submission Guidelines

The article should be written in Russian or English.

The manuscript should be no less than 20,000 and no more than 40,000 characters (including spaces, as well as footnotes and a reference list). The text editor that must be used is MS Word, the font is Times New Roman, font size is 12, line spacing – 1.5, margins – 2 cm on all sides, indentation at the beginning of the paragraph – 1.25; text is left-aligned.

If your article is written in English, please format your paper in Chicago style (CMOS Author-Date). **Please consult The Chicago Manual of Style. You might also find it helpful to use the guide by Purdue Online Writing Lab.**

If your article is written in Russian, consult the Russian version on our website ([link](#)).

If desired, the author can express gratitude to their supervisor in the first note. There the author also specifies any sources of funding (if applicable).

The article is accompanied by a reference list in alphabetical order. You will find examples of the formatting of some resources here ([link](#)).

Illustrations (no more than 4 images) can be added to the article–JPG or PNG file format; 300 DPI. Be sure to indicate the author and copyright holder, and if the image is cited – the source of the citation.

You can always find the most relevant submission guidelines on our website ([link](#)).

Other Forms of Collaboration

In each issue of the journal, we publish translations of articles by foreign researchers. If you would like to translate such an article for the journal (from any language to English or Russian), please, fill out the form (link) where you indicate which languages you can translate from and in what area of humanitarian knowledge your scientific interests lie. As soon as we have a task that requires your skills, we will contact you. Unfortunately, we cannot just publish a translation of whatever you choose. First of all, you need to obtain permission from the owner of the copyright, and we take on the task of negotiation. This is why, before starting your work on the translation, be sure to contact the editors.

If you would like to prepare a book review, an interview with a researcher or coverage of a cultural event, you might be interested in writing for the cultural section of the journal. Articles in it are published only on the website and do not go through the blind peer review procedure.

Please, write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, attach samples of your writing and several topics that you are ready to work with.

The editorial office of the journal always has something to do. Write to us at svoimi.slovami.journal@gmail.com, tell us about your skills, and we will try to find an option of engagement for you. We are especially looking forward to working with students who are familiar with layout design, copyright regulations or literary editing of texts in English.

